

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ» (ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ»)

ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ
КАФЕДРА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА И МОАЯ

Тема

Лингвокультурное комментирование художественных текстов в
аспекте гипертекстуальности

Выпускная квалификационная работа
по направлению 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)

Направленность программы бакалавриата
«Иностранный (английский) язык. Иностранный (французский) язык»

Проверка на объем заимствований

_____ % авторского текста

Работа _____ к защите

рекомендована/не рекомендована

« ____ » _____ 20 ____ г.

зав. кафедрой английского языка
и МОАЯ

Кунина Наталья Ефимовна

Выполнила:

Студентка группы ОФ-503/091-5-1

Черепанова Ольга Вадимовна

Научный руководитель: кандидат филологических
наук

Минеева Мария Владимировна

Челябинск

2017 год

ОГЛАВЛЕНИЕ:

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ПОНИМАНИЕ ТЕКСТА КАК ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА	
1.1. Понятие текста в современных лингвистических исследованиях.....	10
1.2. Интертекстуальность как проявление текста в тексте.....	14
1.3. Понимание и интерпретация речевого произведения.....	18
1.4. Коммуникативные сбои как результат неадекватного понимания художественного текста.....	26
1.5. Роль фоновых знаний в нейтрализации коммуникативных сбоев.....	32
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1.....	39
ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ГИПЕРТЕКСТА К ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ТЕКСТУ	
2.1. Гипертекст как нелинейная форма представления знаний.....	41
2.2. Функции гипертекста.....	46
2.3. Формальный и концептуально-содержательный аспекты классификации единиц лингвистического гипертекста.....	49
2.4. Структурно-содержательные характеристики лингвистического гипертекста.....	71
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2.....	84
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	87

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	90
--------------------------------------	-----------

ВВЕДЕНИЕ

Данная работа посвящена исследованию лингвокультурного комментария к художественному тексту (ХТ), который рассматривается как средство достижения взаимопонимания между автором произведения (адресантом) и читателем (адресатом, реципиентом). Тезаурус и объем фоновых знаний автора художественного текста на английском языке и русскоязычного читателя, как представителей разных лингвокультур, имеют существенные различия. Несовпадение культурных и языковых картин мира адресанта и адресата приводит к сбоям в процессе опосредованной англоязычным художественным текстом межкультурной коммуникации.

В эпоху интенсификации межкультурных контактов коммуникантов, разделенных пространством и временем, тема коммуникативных сбоев (КС) и неполного взаимопонимания требует особого внимания. С появлением различных электронных средств представления информации внимание филологов привлекли гипертекстовые формы ее организации, что обусловило появление значительных исследований в области лингвистики гипертекста. Принимая во внимание опыт, накопленный в изучении линейных и нелинейных форм знаний, мы считаем перспективным исследование лингвокультурного комментария в аспекте гипертекстуальности и рассматриваем лингвистический гипертекст как инструмент коммуникативного сотрудничества между англоязычным адресантом и русскоязычным реципиентом.

Актуальность проблемы лингвокультурного комментирования англоязычных художественных текстов определяется недостаточной разработанностью теории составления лингвокультурных комментариев и широким распространением гипертекстовых форм организации информации. В процессе понимания англоязычного ХТ русскоязычный читатель нередко сталкивается с трудностями в виде лакун в его собственном тезаурусе. Это происходит в связи с намеренным усложнением автором текста

произведения, вследствие чего ХТ часто оказывается исторически и культурно отдаленным от миропонимания адресата. Следовательно, необходимо некоторое средство сближения картин мира коммуникантов (т.е. автора - адресанта и читателя - адресата). Таким средством выступает лингвистический гипертекст (ЛГТ), в качестве которого мы рассматриваем затекстовые комментарии, составленные на английском языке к англоязычным художественным текстам.

Объектом нашего исследования является лингвистический гипертекст.

Предмет исследования – структура, содержание и функционирование единиц затекстовых лингвокультурных комментариев к англоязычным художественным текстам.

Цель исследования – выявить функционирование лингвистического гипертекста (затекстового комментария) как нелинейной формы представления информации и доказать, что он является способом опосредованного регулирования процесса понимания художественного текста и нейтрализации коммуникативных сбоев.

Поставленная цель определила задачи исследования:

1. Исследовать феномен понимания англоязычного художественного текста как акта межкультурной коммуникации.
2. Рассмотреть причины коммуникативных сбоев как результата неадекватного понимания англоязычного художественного текста.
3. Изучить основные характеристики гипертекста как нелинейной формы представления информации.
4. Определить структурные особенности лингвистического гипертекста как способа нейтрализации коммуникативных сбоев при чтении англоязычного художественного текста.

Методологической и теоретической базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных лингвистов в области лингвистики текста (И.Р. Гальперин, З.Я. Тураева, Г.В. Колшанский, Н.С. Валгина), общей семантики (Ю.Н. Караулов, С.Д. Кацнельсон), лингвокультурологии (Д.Б. Гудков, В.И. Карасик, В.А. Маслов, М.А. Кулинич), лингвистики гипертекста (О.В. Барст, М. Визель, О.В. Дедова, А.С. Махов, С.А. Стройков, Т.И. Рязанцева, Н.А. Шехтман, Ю. Хартунг), когнитивной лингвистики (Г.А. Брутян, А. Вежбицкая, Е.С. Кубрякова), коммуникативной лингвистики (И.Ю. Марковина, Ю.А. Сорокин), семиотики (Р. Барт, М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, У. Эко и др.).

Материалом для исследования послужили современные англоязычные художественные тексты различной степени семантической напряженности и комментарии к ним:

Себастьян Фокс «Неделя в декабре»: комментарии 2012;

Джулия Дарлинг «Дочь таксиста»: комментарии 2010;

Адам Торп «Алвертон»: комментарии 2011;

Барри Ансворт "Моралите": комментарии 2008;

Джулиан Барнз «История мира в 10½ главах»: комментарии 2007;

Майкл Фрейн «Одержимый»: комментарии 2006;

Иэн Макьюэн «Искушение»: комментарии 2007;

Дэвид Лодж «Хорошая работа»: комментарии 2006;

Бернард МакЛаверти «Ноты Грейс»: комментарии 2012.

Для решения поставленных задач использовались методы исследования, применяемые в современной лингвистике.

Был использован гипотетико-дедуктивный метод, который заключался в выдвижении гипотезы и дедуктивном выводе следствий из нее; метод лингвистического наблюдения, который осуществлялся путем сплошной выборки единиц ЛГТ с целью получения выводов о них.

Сравнительно-сопоставительный метод включал приемы наблюдения (выделение и описание единиц анализа) и обобщения (объединение их по установленным признакам).

Статистический анализ использовался для определения принадлежности единиц ЛГТ к конкретной подгруппе в соответствии с их общими характеристиками.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что она вносит вклад в разработку проблем ЛГТ к англоязычному ХТ, выявляя специфику его функционирования. Исследование имеет значение для развития теории межкультурной англоязычной коммуникации и лингвистики текста: полученные результаты могут быть использованы при изучении когнитивных механизмов, обеспечивающих адекватность понимания текста, и для дальнейшей разработки теории комментирования англоязычных ХТ.

Практическая ценность исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы при составлении учебных пособий по таким направлениям, как «Лингвистика текста», «Когнитивная лингвистика». Выводы, представленные в работе, могут быть полезными в преподавании ряда дисциплин: межкультурная коммуникация, лингвокультурология, риторика, стилистика, анализ текста.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Лингвистический гипертекст (затекстовый комментарий) способствует сближению картин мира русскоязычного адресата и англоязычного адресанта, что приводит к адекватному пониманию текста.

2. Лингвистический гипертекст к англоязычному художественному тексту объединяет формальный и концептуально-содержательный аспекты, причем единицы формального аспекта призваны предотвратить коммуникативные сбои, вызванные языковыми расхождениями коммуникантов, а единицы концептуально-содержательного – коммуникативные сбои на межкультурном уровне.

3. Способ элиминирования лакун в тезаурусе адресата определяется синтагматическими отношениями, подразумевающими генерализацию, специализацию или эквивалентность значения комментируемой единицы.

4. Для единиц формального аспекта наиболее характерен тип отношений «словосочетание::словосочетание» и «лексическая единица::синонимичная лексическая единица», что говорит о том, что для дешифровки единиц формального аспекта достаточно перифраза или дефиниции (эквивалента).

5. Для единиц концептуально-содержательного аспекта характерны типы «лексическая единица/словосочетание::текст» и «предложение::предложение», так как единицы этого аспекта требуют расширения значения и подробных толкований (генерализации).

Структура работы. Данная работа состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии и приложения.

Во введении обосновывается выбор темы, актуальность исследования, перечисляются цели и задачи, определяются материал, предмет и объект исследования, раскрываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость проводимого исследования, указываются методы анализа, формулируются положения, выносимые на защиту.

В первой главе рассматривается понятие текста в современных исследованиях, его признаки и характеристики, проблема понимания и

интерпретации речевого произведения. Результатом неадекватного понимания текста признаются коммуникативные сбои. Мы предлагаем способ их преодоления, а именно лингвистический гипертекст как инструмент сближения картин мира коммуникантов и согласования их тезаурусов.

Во второй главе представлен комплексный анализ лингвистического гипертекста как инструмента межличностного социокогнитивного взаимодействия. В качестве лингвистического гипертекста рассматриваются затекстовые комментарии к англоязычным художественным текстам. Представлена лексико-семантическая классификация единиц комментария, подтверждающая гипотезу о существовании в тексте формального и концептуально-содержательного аспектов, которые обеспечивают адекватность понимания текста как на социокультурном, так и на лингвокогнитивном уровнях. Структурно-содержательные характеристики лингвистического гипертекста отражают взаимозависимость элементов поясняемого объекта и пояснения в синтагматическом отношении.

В заключении подводятся общий итог исследования и намечаются перспективы.

ГЛАВА 1. ПОНИМАНИЕ ТЕКСТА КАК ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

1.1. Понятие текста в современных лингвистических исследованиях

В современном языкознании текст рассматривается с точки зрения семантического, грамматического, прагматически и коммуникативно ориентированного и когнитивного подходов, каждый из которых вносит свой вклад в понимание этого феномена.

Определение, предложенное И.А. Гальпериным, трактует текст как произведение речетворческого процесса, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку [Гальперин 1981: 18]. Вслед за ним З.Я. Тураева исключает из рассмотрения устную речь, подчеркивая, что текст есть фиксированное на письме речетворческое произведение, функционирующее как структурно-семантическое единство [Тураева 1986: 11].

По мнению Р.А. де Богранда и В. Дресслера, текст – это коммуникативное событие, удовлетворяющее таким критериям текстуальности, как когезия, когерентность, интенциональность, воспринимаемость, информативность, ситуативность и интертекстуальность. Согласно их теории, только при соответствии всем семи критериям некая последовательность предложений (языковых единиц) может считаться текстом. Если хотя бы один из критериев не выполнен, то текст не может быть признан коммуникативным и его следует рассматривать как «не-текст» [Beaugrand 1981].

Многими лингвистами давно принято, что текст есть основная единица коммуникации. Так, по выражению В.А. Звегинцева, «мы обмениваемся не словами и значениями, а мыслями, используя слова (как и язык в целом) всего лишь как средство осуществления деятельности общения» [Звегинцев 2001: 168].

Коммуникативная функция языка исследовалась в лингвистике на протяжении всей ее истории и получила множество интерпретаций и обоснований. Представители коммуникативной лингвистики (Э. Бенвенист, Н.И. Жинкин, Г.В. Колшанский, Н.Б. Мечковская, Ю.Э. Прохоров, Т.М. Рогожникова, Л.В. Сахарный, Ю.С. Степанов, И.П. Сусов, А.М. Шахнарович, Г.Т. Хухуни и др.) рассматривают язык как речевую деятельность, изучая изолированные элементы как составные части системы языка.

Взаимодействие уровней языка проявляется в том, что каждый элемент выполняет свою функцию, которая на уровне текста обеспечивает выполнение главной функции – коммуникации, обеспечивающей общение, взаимопонимание людей.

Текст раскрывает отношения человека с речевой средой, его социокультурное окружение, пути усвоения языка и многое другое. В текстовой коммуникации задействованы текст и участники коммуникации, а также связь порождения (кодирование) между продуцентом и текстом и связь смыслового восприятия (декодирование) между текстом и реципиентом [Сусов 1979]. Средством кодирования и декодирования текста является язык. Создание текста / кодирование является первичной коммуникативной деятельностью, а восприятие / декодирование – вторичной деятельностью. Текст выступает как продукт первичной деятельности и объект вторичной деятельности, отражая коммуникативную деятельность, мировоззрение, опыт и систему знаний продуцента / отправителя сообщения и мотивируя коммуникативную деятельность получателя / реципиента [Масленникова 1999].

Текст, по существу, репрезентирует язык как средство общения и поэтому в нем органически объединяются гносеологические и коммуникативные характеристики языка, то есть такие, которые связаны, с одной стороны, с познанием некоторого явления, выражаемым в соответствующем высказывании (пропозиции), с другой – с сообщением этой

информации (знания) в процессе вербального взаимодействия коммуникантов [Колшанский 1984].

С точки зрения психологии и психолингвистики, текст – это «основная единица коммуникации», это «феномен реальной действительности и способ отражения действительности, построенный с помощью элементов системы языка» [Белянин 1988: 9].

Ю.А. Сорокин подчеркивает, что понятие «текст» не может быть определено только лингвистическим путем. «Текст есть, прежде всего, понятие коммуникативное, ориентированное на выявление специфики определенного рода деятельности. Иными словами, текст как набор некоторых знаков, текст как процесс (порождение знаков коммуникатором и восприятие-оценка его реципиентом) и продукт знаковой и паразнаковой деятельности коммуникатора и реципиента (для последнего он выступает каждый раз в качестве переструктурированного продукта) является в контексте определенной реализацией некоторого текстуалитета. Под последним следует понимать абстрактный набор правил, определяющих и формальные, и содержательные параметры существования некоторого конкретного текста» [Сорокин 1985: 8].

А.А. Леонтьев считает текст смысловым единством, цельность которого заключается не только «в единстве коммуникативной интенции автора текста, но и в иерархической организации планов / программ высказывания, используемых реципиентом при его восприятии» [Леонтьев 1979: 21].

Для нашего исследования особый интерес представляют работы, посвященные вопросам смысла и значения текста (Жинкин, 1964, 1998; Звегинцев, 1965, 2001; Кобозева, 1994, 2000; Красных, 2001; Мельчук, 1999; Потебня, 1993; Сорокин, 1988), структуры тезауруса носителя языка (Залевская, 1999; Караулов 1992, 2006), восприятия текста и национально-

культурной специфики речевого поведения (Леонтьев, 1997; Маслов, 1988; Сорокин, 1982; Сорокин, Марковина, 1983; 1987; 1988; 1989), соотношения текста и подтекста, текста и затекста, текста в тексте (Караулов, 1987, 2010; Лотман, 1970, 2002), понимания и интерпретации текста (Брудный, 1975, 1991; Демьянков, 1994; Дридзе, 1984, 2009; Зимняя, 2001; Залевская, 1990, 2007; Марковина, 1982; Тарасов, 1989; Шехтман, 2009).

В рамках семиотических исследований текст рассматривается как знаковое образование, элемент внутрикультурной и межкультурной коммуникации, функционирующий в процессе его порождения и восприятия. У. Эко подчеркивает, что «семиотическое исследование <...> стремится показать, что всякий коммуникативный акт перенасыщен социально и исторически обусловленными кодами и от них зависит» [Эко 1997: 29].

Существует немало и других определений текста. Однако преобладающая тенденция состоит в том, чтобы установить основные признаки текста, которые формируют его как единое целое, определить текст как феномен языковой и экстралингвистической действительности, функционирующий как средство коммуникации, способ сохранения и передачи информации, отражение индивидуальных особенностей адресанта, определенной исторической эпохи, социокультурных традиций и т. д.

Итак, текст можно представить как систематически организованную форму, созданную по замыслу автора, обладающую композиционным, семантическим, прагматическим единством, обработанную в соответствии со стилистическими нормами и функциями языка. Категория содержания является доминантной для любого текста и подчиняет себе все его элементы: риторическую организацию, композицию, стилистическое оформление и другие категории, входящие в коммуникативное содержание текста.

Поставив перед собой задачу исследования проблемы понимания художественного текста, нам представляется необходимым рассмотреть

характеристики художественного текста, в частности, такое понятие, как интертекстуальность. Наш интерес продиктован тем фактом, что реализация коммуникативного замысла автора в художественном тексте подразумевает создание межтекстовых и внутритекстовых связей, распознавание и интерпретация которых являются важным элементом процесса понимания художественного текста.

1.2. Интертекстуальность как проявление текста в тексте

Противопоставляя художественные тексты нехудожественным по функциональной направленности, М.С. Чаковская выделяет функцию воздействия и функцию сообщения в качестве их главной отличительной особенности [Чаковская 1986]. Е.Б. Борисова отмечает, что в основе построения художественного текста лежит ассоциативно-образное мышление, а в качестве основной функции исследователь выделяет «моделирование действительности <...> и оказание эмоционально-эстетического воздействия на читателя» [Борисова 2010: 11]. Перед художественным текстом стоит задача выразить, прежде всего, ценностно-эстетические установки автора, что проявляется в модальности и метафоричности единиц художественного текста.

И.М. Михалева выделяет следующие общие признаки художественного текста:

1. Многомерность и многослойность структурно-смыслового пространства текста.

2. Информативность, семантическая насыщенность, или семантическая осложненность.

3. Коммуникативная завершенность, целостность и связность, обусловленные авторской установкой.

4. Наличие имплицитно и эксплицитно выраженного авторского отношения к предмету изображения.

5. Ориентированность текста на определенный тип читателя.

6. Включенность текста в «текстовую цепь культуры».

7. Диалогическая соотнесенность текста с другими текстами – интертекстуальность [Михалева 1989: 45].

Особую значимость для нас представляет рассмотрение категории интертекстуальности. Взаимосвязь и взаимодействие между текстами интересует многих исследователей, причем в качестве теоретической базы используются работы М.М. Бахтина, Ю.Н. Тынянова, исследования школы Ю.М. Лотмана, основные методологические положения Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, Н.А. Рубакина, работы Р. Барта, Ю.Н. Караулова, Ю. Кристевой, Е.Ф. Тарасова.

Как самостоятельное направление лингвистических исследований интертекстуальность стала формироваться в 60–70-е годы и получила широкое распространение сначала в зарубежных, а затем и в отечественных исследованиях (Kristeva, 1969; Riffaterre, 1972; Eco, 1973; Лотман, 1980, 1981, 1987, 1996; Арнольд, 1983, 1999). Термин «интертекстуальность» был введен Ю. Кристевой, которая трактует его как «способность произведения к двойному прочтению», подчеркивая, что «любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста» [Кристева 2000: 95].

Ю. Кристева сформулировала свою концепцию интертекстуальности на основе переосмысления работы М.М. Бахтина «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве» (1924), где отмечалось, что создание текста автором – это постоянный диалог с предшествующей и современной ему литературой. По мнению М.М. Бахтина, текст включает в себя все бесконечное поле иных текстов, которые могут быть с ним соотнесены в рамках некоторой смысловой сферы. В рамках теории полифоничности Бахтин подчеркивает, что не может быть изолированного высказывания, «ни одно высказывание не может быть ни первым, ни последним. Оно только звено в цепи и вне этой цепи не может быть изучено» [Бахтин 1975: 89–90].

И.В. Арнольд предлагает следующее определение: «Под интертекстуальностью понимается включение в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде маркированных или немаркированных, преобразованных или неизмененных цитат, аллюзий и реминисценций» [Арнольд 1999: 346]. Сходную трактовку интертекстуальности предлагает В.П. Руднев, который определяет данный феномен как «основной вид и способ построения художественного текста в искусстве модернизма и постмодернизма, состоящий в том, что текст строится из цитат и реминисценций к другим текстам» [Руднев 1997: 113]. Такое определение акцентирует внимание на репрезентативном аспекте интертекстуальности.

Ю.М. Лотман предлагает рассматривать интертекстуальность в культурологическом смысле: «Сумма контекстов, в которых данный текст приобретает осмысленность и которые определенным образом как бы инкорпорированы в нем, может быть названа памятью текста. Это создаваемое текстом вокруг себя смысловое пространство вступает в определенные отношения с культурной памятью (традицией), отложившейся в сознании аудитории. В результате текст вновь обретает семиотическую

жизнь» [Лотман 2010: 180]. По мнению Ю.М. Лотмана, главными функциями текста являются генерация новых смыслов, или порождение других текстов, и функция памяти, которую исследователь называет «конденсацией культурного опыта» [там же]. Н.А. Фатеева говорит об интертекстуальности как о новом уровне образного мышления и придает первостепенное значение творческой индивидуальности. «Новый смысл, полученный в результате взаимодействия текстовых схождений, является показателем художественности интертекстуальной конструкции» [Фатеева 2012: 39].

В качестве интекстов Ю.Н. Караулов рассматривает прецедентные тексты, т. е. тексты «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов 1987: 216]. В концепции Ю.Н. Караулова к числу прецедентных текстов отнесены даже невербальные феномены: произведения архитектуры, живописи, музыки – тоже своего рода «тексты», а их названия составляют значительную часть национального фонда прецедентных знаков.

Включение текста в текст неизбежно приводит к порождению нового смысла. Поскольку именно от читателя зависит выявление смысла, имплицитно заложенного в тексте, число возможных интерпретаций текста будет варьироваться. На этом фоне мы видим свою задачу в исследовании механизмов понимания текста, в частности, в рассмотрении проблемы понимания.

1.3. Понимание и интерпретация речевого произведения

Говоря о расшифровке речевых произведений, исследователи часто сталкиваются с понятиями «понимание» и «интерпретация». Очевидно, что понимание и интерпретация тесно связаны друг с другом. «Понимание, – пишет А.А. Потебня, – есть повторение процесса творчества в измененном порядке» [Потебня 1989: 151]. Схожие мысли обнаруживаются у М. Хайдеггера, представителя герменевтических учений: «Истолкование есть не принятие к сведению понятого, но разработка тех возможностей, которые набросаны в понимании <...> Понимание хранит в себе возможность истолкования, т. е. усвоения понятого. Понимание подразумевает процесс познания "внутреннего содержания" жизненного факта с помощью воспринимаемых нашими чувствами внешних знаков» [Хайдеггер 1993: 9, 23]. П. Рикер считает, что интерпретация состоит в расшифровке смысла и обнаруживается там, где есть многосложный смысл [Рикер <http://fanread.ru/book/6686672/#read>]. Эта точка зрения коррелирует с мнением И.В. Арнольд об интерпретации как вербализованном понимании [Арнольд 1997: 26].

С точки зрения интерпретирующей лингвистики, которая выявляет механизмы интерпретации при понимании и общении, значение и смысл рассматриваются как результат интерпретирующей деятельности человека и связываются с его знаниями, презумпциями и предпочтениями в выборе «стратегий интерпретирования». Внутренний мир человека трактуется как определяющий интерпретации и определяемый ими [Языкознание. Большой энциклопедический словарь 1998].

С точки зрения когнитивной науки, интерпретируя выражение, реципиент обращается к языковым знаниям и получает модельный мир, включенный в рамки, с одной стороны, его собственного внутреннего мира, с другой – реконструируемого мира автора. В результате соотнесения между собой модельный мир, собственный внутренний мир и запас знаний

корректируются, тем самым ориентируя реципиента в речевых и неречевых действиях [Демьянков 1996: 31, 126]. Е.С. Кубрякова в процесс понимания включает: 1) осмысление текста по его компонентам; 2) соотнесение языковых форм с их значениями; 3) выведение общего смысла текста на основе непосредственно данных в нем языковых единиц и установление отношений между ними. Исследователь считает интерпретацию процессом восприятия текста на более глубинном уровне, который связан как с процедурами логического вывода и получением выводных знаний, так и с соотнесением языковых знаний с неязыковыми [Кубрякова 1987].

А.А. Залевская описывает концепцию понимания как выявление личностного смысла. «Естественные процессы понимания текста обеспечиваются работой ансамбля соответствующих психических механизмов и протекают на разных уровнях осознанности при взаимодействии комплекса внутренних и внешних факторов» [Залевская 2001: 70].

Примечательно разграничение интерпретации текста на первичную и научную. Считается, что первое прочтение текста профессиональным интерпретатором носит общий, нерасчлененный и стихийный характер, а восприятие текста во многом эмоционально и подсознательно. Второе прочтение представляет собой осознанное восприятие и заключается в применении научного анализа текста с целью его научного истолкования (научной интерпретации, научного прочтения). Перечитывая текст, интерпретатор относится к нему как к объекту исследования, т. е. осознанно, проверяя первое субъективное впечатление при помощи того арсенала методик, которыми владеет [Есин 2000: 161].

Обобщая вышесказанное, подчеркнем, что понимание фокусируется на авторском содержании текста, а интерпретация – на содержании, которое формируется в сознании интерпретатора. В нашем исследовании мы

подчеркиваем, что понимание есть цель, а интерпретация – метод достижения этой цели.

Обращаясь к феномену понимания художественного текста, необходимо обратиться и к семантике слова, обозначающего его.

Рассмотрим подробнее семантику слов, объединенных синонимической доминантой «understand». Обратившись к словарной статье толкового словаря Oxford Advanced Learner's Dictionary, мы находим: 1. To know what someone or something means Synonyms or related words: know, work out, comprehend, deduce, make sense of something, fall / fit into place, see the light, get the idea, have a feel for something. 1.1. To know what something spoken or written in a particular language means Synonyms or related words: know, work out, comprehend, deduce, make sense of something, fall/fit into place, see the light, get the idea, have a feel for something. 2. To know how and why something happens, or what effect or influence something has. Synonyms or related words: know, work out, comprehend, deduce, make sense of something, fall/fit into place, see the light, get the idea, have a feel for something. 3. To know how someone feels or why someone does something, as a result of experience or by imagining what it must be like to be them. Synonyms or related words: know, work out, comprehend, deduce, make sense of something, fall/fit into place, see the light, get the idea, have a feel for something. 4. FORMAL To believe that something is true because you have heard or read it somewhere. Synonyms or related words: think, believe in, suppose, suspect, assume, recognize, presume, imagine, reckon, be a great / firm believer in something. 5. To understand something or someone in a particular way. Synonyms or related words: make out, interpret, perceive, read, make of, take, construe, see both sides, be quick / slow on the uptake [Oxford Advanced Learner's Dictionary 2010].

Проанализировав значения данного глагола в словарной статье, можно выделить четыре основных значения:

1. Понимание плана выражения обозначает референтную ориентацию понимания (дефиниция 1).
2. Понимание плана содержания отражает понимание на семантическом и когнитивном уровнях (дефиниции 4, 5).
3. Когнитивно-прагматические значения отражают владение умениями и навыками, понимание духовных и материальных ценностей (дефиниция 2).
4. Фатическое понимание отражает положительную оценку на эмоциональном уровне (дефиниция 3).

Таким образом, опираясь на многоаспектность семантики самого глагола *understand*, можно сделать вывод о том, что понимание есть субъективная категория. Понять универсально и идеально невозможно. Тогда необходимо ответить на вопрос, что является объективной категорией при рассмотрении проблемы понимания. Представляется возможным говорить о понятности текста. Обратимся к значению этой категории в толковом русскоязычном словаре (обращаемся к прилагательному понятный, т. к. существительное понятность образовано от этого прилагательного): понятный (-ая, -ое, -тен, -тна) – доступный пониманию. Писать понятным языком или понятно [Большой толковый словарь русского языка 1986]. Рассмотрим дефиницию прилагательного *understandable*: *understandable – comprehensible, conceivable, capable of being understood* [Oxford Advanced Learner's Dictionary 2010]. Проанализировав вышесказанное, можно сделать вывод о том, что понятность является имманентной характеристикой текста, не зависящей от реципиента, в то время как понимание основывается на личностных характеристиках субъекта, воспринимающего текст. Понятность текста объективна, т. к. она не опирается на преломление смысла текста сквозь призму читательского восприятия, она выражается через структурную организацию текста, композицию, художественно-стилистическое оформление.

Художественный текст как репрезентация авторского замысла или интенции всегда многозначен. Но практика показывает, что существуют произведения, осознанно отягощенные автором в смысловом и языковом плане, и произведения менее отягощенные (сравним: «Улисс» Д. Джойса и «Над пропастью во ржи» Д. Сэлинджера). Так, одно художественное произведение читатель прочитывает, не обращаясь к комментарию или другим сопроводительным материалам или обращаясь за поиском глубинного смысла, другое же невозможно прочитать, не ознакомившись с аннотацией и комментарием. В данном случае можно говорить о такой характеристике текста, как семантическая напряженность. Н.С. Валгина [Валгина 2003] подчеркивает, что особой ценностью обладает новая, прагматическая информация в тексте, объем которой является показателем информативности текста. Под информативностью текста исследователь понимает «степень смысло-содержательной новизны для читателя, которая заключена в теме и авторской концепции, системе авторских оценок предмета мысли» [Валгина 2003: 141]. Таким образом, очевидно, что степень информативности текста субъективна и зависит от потенциального читателя, степени его подготовленности, фоновых знаний, установок.

Информационная насыщенность текста, наличие эксплицитных и имплицитных форм выражения мысли характеризует текст с позиции напряженный/ненапряженный. Семантическая напряженность текста может спровоцировать неполное декодирование текста адресантом. Анализ нашего материала позволяет продемонстрировать примеры следующих особенностей текста, определяющих степень его семантической напряженности:

- сложность / простота композиционно-синтаксической структуры.

Определенные особенности авторского построения текста, проявляющиеся в нарушении логики повествования, тема-рематических последовательностей и намеренно усложненной синтаксисе, осложняют восприятие текста. Так, в комментарии к роману «Алвертон» Адама Торпа (ком. Хьюитт) нам

встретилось большое количество разъяснений, касающихся многосоставных, разветвленных предложений и даже целых абзацев. В комментарии в качестве толкования нередко приводились целые «переводы» речи персонажей. Включение подобных единиц в затекстовый комментарий характеризует их как факторы, повышающие семантическую напряженность текста:

then the other two Violet what s in those look at his face spasms all over his face or is it the firelight big wheel rolls down on fire screams settles in grass burning like that Catherine wheel that time Father took us to the Municipal do oh do look Gordon and violet <...> - Here is a 'translation' with comments on some of the details we should notice: Then I'm throwing the other two cases on the fire. 'Violet, what's in those?' cries Herbert. Look at his face, spasms all over his face - or is it the firelight? The big wagon wheel rolls down the side of the fire, and people scream. It rolls out onto the grass, still burning, just like that Catherine wheel [a kind of firework that spins round but sometimes falls from the post to which it is attached and spins wildly on the grass] that was spinning on the grass that day when Father took us to the city Guy Fawkes celebrations. I remember Mother saying Do look, Gordon and violet [did Violet feel underrated by her mother? Is that why she uses a small V for her name when she remembers her mother speaking?].... [роман Адама Торпа «Алвертон»: комментарии 2011: 86];

- степень выраженности имплицитно заложенных смыслов.

Декодирование неявных смыслов, невербализованных адресантом знаний требует соответствующего интеллектуального кругозора и инференции со стороны реципиента. Аллюзии, реминисценции, цитирование, низкочастотная лексика повышают семантическую напряженность текста.

В следующих примерах затекстового комментария не только приведено значение и происхождение выражения «the survival of the fittest», но и указывается в первом случае - его метафорическое употребление, а во втором

- расшифровка намеренного авторского искажения этого афоризма, необходимые для полноценного понимания отрывка текста.

the survival of the fittest - a phrase relating to competition for survival or predominance. Originally used by Herbert Spencer in his Principles of Biology of 1864. Spencer drew parallels between his ideas of economics and Charles Darwin's theories of evolution by what Darwin termed natural selection. Those who are best adapted to prevailing conditions will survive. The phrase is a metaphor, not a scientific description; therefore it is often used in everyday speech when people discuss who or what will survive and who or what will disappear. [роман Джулиана Барнза «История мира в 10½ главах»: комментарии 2007: 37];

The Survival of the Worriers - an example of the way the phrase 'the survival of the fittest' is adapted. Kath is a worrier - she worries about the state of the world. Greg does not worry. Kath believes that her kind of people will survive. [роман Джулиана Барнза «История мира в 10½ главах»: комментарии 2007: 38].

- референтная многозначность / однозначность лексических единиц. Выбор подходящего значения многозначного слова определяется контекстом, с которым оно должно быть семантически совместимо. В качестве примера можно привести два разных затекстовых комментария, предоставляющих различные толкования одного и того же существительного «graft», значение которого зависит от его контекстуального окружения.

I earn my living by hard graft - (colloquial) by very hard work. [роман Джулии Дарлинг «Дочь таксиста»: комментарии 2010: 18];

graft – bribery [роман Джулиана Барнза «История мира в 10½ главах»: комментарии 2007: 69].

- насыщенность текста иноязычными вкраплениями (beau, clientele, tables d'hôte, in absentia, bestioles и т.п.), сокращениями (rep, san, Gee и т. п.),

терминами (gene pool, celluloid, bi-polar disorder, a lesion и т. п.), именами собственными (Oliver Cromwell, Matthew the Evangelist, Solomon и т. п.);

- насыщенность текста лингвокультурными реалиями. К таковым могут относиться географические реалии, обозначения традиций, праздников, реалий быта и т. п. Приведем несколько примеров:

row - as in Surley Row. A short lane named for a row of cottages which will often be joined together [роман Адама Торпа «Алвертон»: комментарии 2011: 19];

YMCA - 'Young Men's Christian Association', international organization providing hostels and social activities for young men. [роман Джулиана Барнза «История мира в 10½ главах»: комментарии 2007: 28];

watching the Queen - Every Christmas Day at 3 p.m. the Queen makes a short broadcast message to the nation. Not so many people watch it now, but everyone knows that it is 'part of Christmas'. Stella would approve of watching the monarch and listening to her speech. [роман Джулии Дарлинг «Дочь таксиста»: комментарии 2010: 21].

Связь между понятностью текста и его пониманием реализуется за счет интерпретации, объяснения текста. Понятность ведет к пониманию, которое уже является индивидуально и субъективно, т. е. будет варьироваться в зависимости от характеристик реального читателя.

Адекватное декодирование текста зависит от степени совпадения опыта, фоновых знаний адресата и адресанта. При несовпадении их ассоциативных полей в тезаурусе адресата обнаруживаются лакуны, что приводит к неуспешности коммуникативного акта, опосредованного текстом, т. е. коммуникативным сбоям.

1.4. Коммуникативные сбои как результат неадекватного понимания художественного текста

Межличностная коммуникация подразумевает взаимодействие языковых личностей для передачи, получения и обмена информацией, и, следовательно, число коммуникантов всегда равно или больше двух. Наличие определенного воздействия на собеседника при осуществлении акта межличностной коммуникации требует оценивания его с позиции успешности и эффективности.

Успешная коммуникация – это адекватная коммуникация, при которой достигается более или менее полное, но обязательно достаточное, с точки зрения коммуникантов, взаимопонимание [Красных 2003: 172]. Успешность коммуникации может быть определена как достижение говорящим стратегической цели в условиях бесконфликтного речевого взаимодействия [Мартынова 2000]. Эвристическую ценность для нашего исследования представляет мнение Е.М. Лазуткиной, которая считает главным условием успешной коммуникации умение слушателя реконструировать коммуникативный замысел говорящего, проделать работу по «переосмыслению ранее сказанного и понятого» [Лазуткина 1998: 62]. Среди других условий исследователь выделяет:

- коммуникативную заинтересованность собеседников;
- близость мировосприятия говорящего и слушающего;
- приспособление форм подачи информации к возможностям ее интерпретации, т.е. учет знаний адресата;
- выражение настроенности на мир собеседника (интонация, тембр, темп, особые средства выражения отношения говорящего);

- знание коммуникантами норм этикетного речевого общения;
- соответствие планов и схем речевого поведения собеседников;
- благоприятные внешние обстоятельства (канал общения, эмоциональное настроение, физиологическое состояние и др. [там же]).

Однако естественное речевое взаимодействие предусматривает нарушение вышеназванных условий и наличие аномалий (шероховатостей, неточностей выражения мысли, недоразумений). Подобные факторы провоцируют коммуникативные сбои, т. е. взаимопонимание между коммуникантами не достигается, а, следовательно, коммуникация становится неуспешной.

Возросший интерес к функциональным и прагматическим аспектам неуспешного речевого общения обусловил появление в отечественной и зарубежной лингвистике большого количества работ, посвященных изучению неудач в коммуникации, что привело к некоторой разобщенности взглядов на феномен коммуникативной неудачи. Следует упомянуть и о терминологическом разнобое относительно рассматриваемой проблемы: помимо термина «коммуникативная неудача» (О.Н. Ермакова, Е.А. Земская) существуют такие термины, как «коммуникативный провал», «коммуникативный сбой» (Т.Г. Винокур), «неэффективное общение» (Т.М. Дридзе, А.А. Леонтьев), «срыв», «рассогласование» или даже «коммуникативная ошибка». Необходимо подчеркнуть содержательное различие между похожими терминами «коммуникативный провал», «коммуникативная неудача» и «речевая ошибка», поскольку под последним понимается нарушение в речи языковых норм: произносительных, словообразовательных, лексических, морфологических, синтаксических, стилистических, а также специфических норм письменной речи: орфографических и пунктуационных [Словарь лингвистических терминов: http://lingvistics_dictionary.academic.ru/].

Анализ трактовок предложенных терминов позволяет утверждать, что рассмотрение их как тождественных неверно, так как в основе определений лежат разные критерии: ориентирование на результат коммуникации либо на причины, вызывающие затруднения в общении (лингвистические или экстралингвистические факторы).

Традиционным и общепринятым является определение «коммуникативная неудача», предлагаемое О.П. Ермаковой и Е.А. Земской, которые трактуют данный термин как полное или частичное непонимание высказывания партнером коммуникации, т. е. неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего, а также возникающий в процессе общения не предусмотренный говорящим нежелательный эмоциональный эффект: обида, раздражение, изумление [Ермакова 1993: 31].

Типология коммуникативных неудач была предложена Б.Ю. Городецким, И.Г. Сабуровой, И.М. Кобозевой (1985). Коммуникативная неудача трактуется в данном подходе как сбой в общении, при котором речевые произведения не выполняют своего предназначения [Городецкий 1989: 23]. Ключевыми критериями классификации являются последствия и источники. Что касается последствий, глобальные коммуникативные неудачи предполагают окончательное прерывание развертываемого диалогического текста общения и неудовлетворительный результат, а частные коммуникативные неудачи предусматривают временные задержки, когда коммуниканты вынуждены отклониться от главной линии диалогического текста для преодоления возникших коммуникативных неудач. Типология коммуникативных неудач на основе их источников предполагает критерии, связанные с инструментами и процессами общения. Таким образом, источниками коммуникативных неудач являются расхождения в организации языковых тезаурусов коммуникантов и соотношение таких процессов, как вербализация замысла и его понимание. Ситуация, когда вербализация

замысла говорящим недостаточно эксплицитна для тех средств, которыми пользуется при понимании второй коммуникант, является источником коммуникативной неудачи [Городецкий 1989: 23–24].

В зарубежном языкознании Д. Остин был одним из первых, кто предложил типологию коммуникативных неудач. В рамках этой теории исследователь предлагает разграничивать осечки и злоупотребления. Действие является осечкой, если употребление, к которому собирались прибегнуть, оказывается неприемлемым или дефектным и не имеет результата. В случае злоупотребления подразумевается нереализованное или незавершенное действие [Остин <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000713/st000.shtml>].

Основываясь на том, что целью речевого общения является максимально эффективная передача информации, Г.П. Грайс и Дж. Линч вывели принципы коммуникативного сотрудничества: максима количества, максима качества, максима способа, максима отношения. При нарушении правил и норм ведения диалогического дискурса, т. е. несоблюдения максим, возникает коммуникативная неудача, что приводит к неуспешности коммуникации [Grice 1975]. Подобное мнение выражает и Т.М. Николаева, считая одной из причин коммуникативной неудачи «коммуникативный саботаж» (или «принцип некооперации»), предлагающий установку на навязывание коммуниканту своего мнения, нежелание дать ожидаемый ответ на вопрос, стремление уйти от обмена информацией, желание обидеть собеседника [Николаева 1990].

М.А. Иванова в своих исследованиях выделяет полную коммуникативную неудачу и коммуникативное затруднение. Полная коммуникативная неудача ведет к прекращению контакта, т. е. к неуспешной коммуникации. Коммуникативное затруднение – это коммуникативная неудача, переведенная в затруднение при помощи механизмов корректировки, которые позволяют предотвратить прерывание

коммуникации и восстановить нормальный ход развертывания диалогического дискурса [Иванова 2007].

Характеризуя деструкцию неофициального дискурса, авторы коллективной монографии «Культура русской речи и эффективность общения» выделяют три типа явлений: нарушения коммуникативной нормы, коммуникативные помехи и коммуникативные неудачи [Граудина, Ширяева 1996]. Под последним авторы подразумевают «непонимание или неверное понимание между адресатом и адресантом, отсутствие прогнозируемой реакции со стороны адресата, отсутствие интереса к общению, нежелательное изменение состояния адресата» [там же: 149] Причинами коммуникативных неудач, как считают исследователи, являются отступления от коммуникативных норм и правил общения, создание ошибочного образа партнера [там же: 150].

Более широкое содержание в понятие коммуникативной неудачи вкладывает Е.М. Лазуткина: «Это недостижение инициатором общения коммуникативной цели и, шире, прагматических устремлений, а также отсутствие взаимодействия, взаимопонимания и согласия между участниками общения» [Лазуткина 1998: 68].

Б. Гудман (1989), А. Потемкин (1994), Ю. Черникова (1994) обращаются к референционному аспекту и определяют коммуникативную неудачу как ошибочную идентификацию референта.

Представители этнолингвистики Дж. Гамперц (1982), Д. Таннен (1979), С. Гасс и Э. Варонис (1985, 1991), Х. Джайлс, Дж. Виман, Н. Купланд (1991) квалифицируют коммуникативную неудачу, обращаясь к культурным различиям и расхождениям в культурных формах употребления языка.

Н. Хенли, Г. Крамарэ (1991), Ж. Купланд, Дж. Нуссбаум, Н. Купланд (1991), К. Аронсон (1991), А. Белл (1991), Э. Айзенберг, С. Филлипс (1991) определяют коммуникативную неудачу в социальном плане, трактуя данный

феномен как коммуникативное затруднение, возникающее в процессе общения индивидов, принадлежащих к разным половым, возрастным, социальным и иерархическим группам.

Таким образом, существует различное понимание термина «коммуникативная неудача». Однако основу его составляет, прежде всего, понимание коммуникативной неудачи как положения вещей, при котором коммуниканты не могут реализовать свои коммуникативные ожидания.

Коммуникация, опосредованная художественным текстом, это не сиюминутный акт общения, когда процессы порождения и восприятия практически одномоментные, а общение, при котором восприятие отдалено от порождения во времени и пространстве. Коммуникативные сбои, возникающие в процессе общения в реальном времени, устранимы за счет самой ситуации: можно переспросить, уточнить информацию, сделать акцент при помощи мимики, жестов и т. д. Текст лишен внешних условий, и коммуникативные сбои, возникающие при его прочтении, невозможно устранить, обращаясь к отправителю сообщения, а следовательно, подобные сбои устранимы только за счет обращения к источнику, объясняющему значение моментов, создающих помеху для понимания, т. е. к затекстовому комментарию.

Говоря о восприятии иноязычного художественного текста реципиентом, мы говорим о коммуникации, протекающей между представителями не только отдаленными во времени, но и отдаленными культурно, существующими в рамках разных культур, т. е. о межкультурной коммуникации, опосредованной художественным текстом. Мы считаем целесообразным выделить следующее определение: коммуникативный сбой – это частичное или неполное понимание реципиентом авторской интенции, пресуппозиций автора и интертекстуальных включений.

Понимание текста опирается на тезаурус читателя, на знание содержания некоторых языковых единиц в определенном семантическом контексте. Несовпадение тезаурусов адресанта и адресата в широком и узком смысле этого понятия, т. е. несоответствие накопленных фоновых знаний, культурного, исторического, личностного и коммуникативного опыта продуцента и реципиента и, следовательно, несоответствие словарей, отражающих эти знания и опыт, провоцируют коммуникативные сбои при восприятии текста реципиентом.

1.5. Роль фоновых знаний в нейтрализации коммуникативных сбоев

Обращаясь к проблеме нейтрализации коммуникативных сбоев, мы разделяем позицию Ю.М. Лотмана о взаимоотношении культуры, текста и читателя.

Исследователь различал культуры на основе их ориентирования на то или иное отношение к тексту: культуры, ориентированные на сообщение, носят более подвижный, динамический характер. Они дают быстрый прирост знаний и безгранично увеличивают прирост текстов; с другой стороны, культуры, ориентированные на понимание, не так быстро производят тексты и поэтому статичны [Лотман 2004: 89].

Однако следует понимать, что связка «знание–понимание» очень подвижна. Глагол «понимать» синтагматически сложнее, чем «знать». Знание предполагает забывание поступившей информации, тогда как понимание не может быть аннулировано [Дмитровская 1985: 101]. Рассматривая этимологию глагола «знать», мы видим, что его значение тождественно

значению «рождаться», а в толковом словаре мы находим определение «иметь сведения, понятие; испытывать, переживать» [Большой толковый словарь русского языка 1986]. Глагол «понимать» толкуется как «обладать пониманием, осмыслять», а «понимание» рассматривается как «способность осмыслять, постигать смысл» [там же]. Исходя из приведенных определений, можно сформулировать следующую закономерность: понимание зависит от отношения знания к бытию, это равнодействующая знания и бытия. Другими словами, можно многое знать, совершенно ничего не понимая: не понимая основы, источника, альтернативы своих знаний.

Так, при повторном прочтении произведения сюжет произведения остается тем же, но изменяется понимание произведения, которое осуществляется сквозь призму накопленного опыта, знаний. Какие-то события жизни заставляют нас переоценивать тексты, делают их более (или менее) понятными. Для понимания художественного текста важен жизненный опыт читателя, его эмоциональное состояние на момент прочтения, его готовность к восприятию информации. Как отмечал А.А. Брудный, «глубина понимания мира определяется глубиной личных переживаний» [Брудный 1998: 129].

Опыт как продукт взаимодействия субъекта с действительностью, как результат наблюдений, научного познания, практической деятельности является решающим при понимании текста. Воспринимая текст, читатель опирается как на личностный, так и на универсальный опыт человеческой деятельности. Опыт субъективен, поскольку всю информацию человек пропускает сквозь призму собственного мировоззрения. Следовательно, сходность и различия в опыте коммуникантов неизбежны, что, в свою очередь, является условием освоения мира и языка. В этом контексте Н. Бор вспоминает индийскую сказку: несколько слепых, пытаясь составить представление о слоне, ощупывали каждый одну его часть (ноги, хобот) и сравнивали ее с известными им предметами (колоннами, веревкой и т. п.).

Сам слон, невидимый для слепых, состоит из присущих ему частей тела, которые вполне складно присоединены друг к другу. Нескладным окажется существо, составленное из тех предметов, в виде которых представились слепым разные части его тела. Собственный опыт реципиента соотносится с опытом, добытым в процессе вербального и невербального общения. Опыт компенсирует недостаток знаний, недостаток опыта компенсируется добытыми знаниями.

В психолингвистике опорным является положение о том, что знание не передается, а возбуждается, т. е. передаваемая в тексте информация вызывает из сознания фоновые знания. При чтении текста читатель является далеко не пассивным реципиентом. Поскольку реципиент видит инокультурный текст через призму своей культуры, процесс понимания направлен на реконструкцию модели иноязычной культуры, представленной в тексте. Из этого следует, что процесс понимания текста воссоздает определенную ситуативную модель, которая базируется на определенном фундаменте фоновых знаний об иноязычной культуре. В широком смысле под термином «фоновые знания» (англоязычный вариант «background knowledge») понимаются все наши знания о мире [Gudykunst, Kim 1997; Scollon, Wong Scollon 2001]. Эти знания участвуют в процессе интерпретации коммуникативного поведения и влияют на наши ожидания и пресуппозиции, являющиеся частью коммуникативной ситуации. По выражению И.М. Шеиной, «фоновые знания можно считать "готовыми смыслами", которые культурное и языковое сообщество предлагает своим членам. Очевидно, что в рамках одной культуры эти "готовые" смыслы варьируются в зависимости от социального статуса, личного опыта и других факторов» [Шейна 2010: 11]. В.Г. Костомаров и Е.М. Верещагин в своих работах подчеркнули страноведческий и лингвострановедческий характер фоновых знаний, утверждая, что языковые единицы представляют собой «вместилище» знаний постигнутой человеком социальной действительности [Верещагин,

Костомаров 1990]. О.С. Ахманова и И.В. Гюббенет, определяя фоновые знания как социально-культурный фон, характеризующий воспринимаемую речь, считают «обоюдное знание реалий говорящим и слушающим основой языкового общения» [Ахманова, Гюббенет 1977: 48]. Подобное мнение выражает О.Н. Иванищева: «Если наивные знания определяются тем, что я знаю об объекте действительности, то фоновые знания – что мы, как партнеры по коммуникативному акту, знаем об объекте действительности» [Иванищева 2007: 40]. Т.А. ван Дейк рассматривает следующий комплекс знаний, информации, необходимый для прагматического понимания, т. е. последовательности процессов, содержанием которых является приписывание высказываниям участниками коммуникации иллокутивных сил:

- знание свойств грамматической структуры высказывания;
- информация о паралингвистических характеристиках высказывания (темп речи, ударение, интонация, высота тона, жесты, мимика, движение тела и т.д.)
- наблюдение/восприятие коммуникативной ситуации (присутствие и свойства находящихся в поле зрения объектов, людей и т. д.)
- хранящиеся в памяти знания/мнения о говорящем и его свойствах, а также информация о других особенностях данной коммуникативной ситуации;
- знания/мнения относительно характера происходящего взаимодействия и о структуре предшествующих коммуникативных ситуаций;
- знания/мнения, полученные из предыдущих речевых актов;
- знания общего характера о взаимодействии и правилах, главным образом, прагматических;

- другие разновидности знаний о мире, имеющих общий характер (фреймы) [ван Дейк 2000: 15].

Однако данная классификация не рассматривают лингвокультурный аспект, в то время как фоновые знания образуют национально-культурную специфику.

Исходя из состава участников коммуникативного акта, В.Я. Шабес классифицирует фоновые знания как:

1. Социальные (известные всем участникам речевого акта, например, радиослушателям, читателям в массовой коммуникации, еще до начала сообщения).

2. Индивидуальные (известные только двум участникам диалога до начала их сообщения).

3. Коллективные (известные членам некоторой социальной, профессиональной и другой совокупности людей до получения этого сообщения) или социально-групповые (свойственные некоторой социальной общности людей: врачей, педагогов, жильцов одного дома и т. д.) [Шабес 1989: 8].

С точки зрения содержания фоновые знания можно разграничить как житейские, донаучные, научные, литературно-художественные. Кроме того, фоновые знания могут подразделяться на тривиальные и нетривиальные исходя из общедоступности, общеизвестности и типизированности. Тривиальные знания, как правило, не вербализуются в речевых актах, но являются необходимым условием успешности их осуществления [Валгина 2003: 9].

Термин «фоновые знания» часто граничит с термином «пресуппозиции». Н.С. Валгина называет пресуппозиции «компонентом

смысла текста, не выраженным словесно, предварительным знанием, дающим возможность адекватно понять текст» [Валгина 2003: 7].

В.Г. Колшанский указывает, что пресуппозиция есть «не что иное, как способ семантического анализа текста, раскрывающий указанные связи между высказываниями и основывающийся на определенных предположениях и прогнозировании семантики слов, словосочетаний и предложений, входящих в текст. Подобное прогнозирование задается, прежде всего, темой дискурса, а однозначное восприятие каждого конкретного высказывания строится по принципу понимания звена в некоторой цельной завершенной конструкции (тексте)» [Колшанский 1980: 86].

Рассматривая фоновые знания во временном аспекте, можно отметить, что они характеризуются широким временным диапазоном, тогда как пресуппозиции представляют явление синхронного плана.

С позиции функционального взаимодействия в системе языка имеют место постоянные, узуальные пресуппозиции, сопровождающие фоновые знания, а в коммуникации с фоновыми знаниями взаимодействуют переменные контекстуальные пресуппозиции [Валгина 2003: 10].

Проанализировав мнения различных исследователей, мы пришли к выводу, что пресуппозиции рассматриваются и как языковой феномен, и как экстралингвистическое явление. Мы согласны с мнением Н.Ф. Ковалевой о том, что лингвистические пресуппозиции – это знания о языке, о том, как этот мир отражается в том или ином языке. Лингвистические пресуппозиции частично совпадают с тезаурусом адресата, т. к. тезаурус рассматривается нами как способ представления языковой картины мира, как словарь, в явном виде фиксирующий семантические отношения между составляющими его единицами и представляющий область пересечения культурной картины мира и языковой картины мира. Экстралингвистические пресуппозиции

отождествляются с фоновыми знаниями, знаниями об окружающем мире [Ковалева 2004: 78]. Таким образом, можно говорить о специфичности каждого из понятий.

Художественный текст лишен внешних условий, которые могли бы подсказать, каким именно смыслом наделить произведение. Поскольку текст не подлежит непосредственному контролю со стороны автора, возникает необходимость в средствах опосредованного регулирования воссоздания текста его читателем. Таким средством выступает затекстовый комментарий, составленный к иноязычному художественному произведению, который мы рассматриваем как лингвистический гипертекст. В соответствии с поставленными задачами следующим этапом диссертационного исследования является многоаспектный анализ лингвистического гипертекста как средства нейтрализации коммуникативных сбоев на различных уровнях текста.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Текст является не только средством передачи, фиксации и хранения знаний, но и основной единицей коммуникации. В рамках семиотических исследований текст рассматривается как функционирующий в процессе его порождения и восприятия элемент внутрикультурной и межкультурной коммуникации. С точки зрения психолингвистики текст представляет семантическое образование, которое отражает действительность, переданную с помощью элементов языка.

Художественный текст направлен прежде всего на оказание эмоционально-эстетического воздействия на читателя и обладает такими свойствами, как многомерность, семантическая насыщенность (семантическая напряженность), коммуникативная целостность, завершенность и связность, наличие имплицитно и эксплицитно выраженного авторского отношения, адресованность, интертекстуальность. Интертекстуальность, как способность текста формировать новый смысл посредством ссылки на другие тексты, порождает множественность интерпретаций текста, так как выявление смыслов зависит от читательского восприятия, от его умения декодировать имплицитно заложенную в тексте информацию.

Понимание текста имеет различную степень и глубину. Понимание всегда индивидуально, в то время как понятность, выражающаяся в степени семантической напряженности текста, является имманентной характеристикой, не зависящей от адресата. Связь между понятностью и пониманием реализуется за счет интерпретации текста, которая фокусируется на содержании, формирующемся в сознании интерпретатора. Интерпретация является способом достижения понимания.

Несовпадение тезаурусов автора и читателя, подразумевающее несоответствие фоновых знаний, опыта и, следовательно, несовпадение

словарей, отражающих эти знания и опыт, провоцирует коммуникативные сбои при восприятии текста. Мы предлагаем трактовать коммуникативный сбой, возникающий в процессе межкультурной коммуникации, опосредованной художественным текстом, как частичное или неполное понимание реципиентом авторской интенции, пресуппозиций автора и интертекстуальных включений. Чтобы понять иноязычный текст, недостаточно учесть только лингвистический контекст, т. е. языковой код произведения. Основной причиной непонимания иноязычного текста является различие в национальных сознаниях адресанта и адресата, т. е. различие культур.

Понимание текста обусловлено факторами лингвистического и экстралингвистического характера. Сходство тезаурусов адресата и адресанта, как способа представления языковой картины мира, и фоновых знаний, как социокультурного фона, является условием адекватного понимания текста.

В качестве средства преодоления или нейтрализации коммуникативных сбоев, обеспечивающим более полное проникновение читателя в художественное произведение, мы рассматриваем затекстовый комментарий, то есть лингвистический гипертекст.

ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ГИПЕРТЕКСТА К ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ТЕКСТУ

2.1. Гипертекст как нелинейная форма представления знаний

В связи с появлением современных информационных технологий и новых форм коммуникации внимание лингвистов привлекают особенности языкового общения в компьютерной сети, в частности, гипертекстовая организация интернет-пространства. Следует заметить, что слово «текст» происходит от греческого «ткань», и этим подчеркивается линейная организация текстов. Приставка «гипер-» обозначает «над» и, таким образом, указывает на усложнение структуры гипертекста по сравнению с текстом.

Основными предпосылками возникновения интереса лингвистов к исследованию явлений гипертекста и гипертекстуальности являются: 1) развитие компьютерных технологий; 2) внедрение персональных компьютеров в повседневную жизнь; 3) создание гипертекстовых систем; 4) развитие всемирной сети Интернет; 5) появление новой материальной формы письменного текста (электронного гипертекста); 6) отсутствие лингвистического описания гипертекста; 7) отсутствие типологии гипертекста [Стройков 2008: 7].

В настоящее время наблюдается разрозненность мнений по поводу столь сложного явления, как гипертекст, и его применения в рамках различных подходов, равно как и требует доработки целостная лингвистическая концепция гипертекста.

Концепция гипертекста была предложена В. Буш в 1945 г. в статье «As we may think» [Bush http://www.isg.sfu.ca/uchier/misc/hypertext_review/index.html].

Непосредственно термин «гипертекст» был введен Т. Нельсоном, который трактовал его как непоследовательную запись. «Обычно процесс письма осуществляется последовательно по следующим двум причинам. Во-первых, потому, что он является производным от речи, которая не может не быть

последовательной (так как у нас для этого только один канал), и, во-вторых, потому, что книги неудобно читать иначе как последовательно. Однако мысли образуют структуры, которые не являются последовательными – они связаны многими возможными переходами» [Цит. по: Эпштейн <http://www.lingvolab.chat.ru/library/hypertext.htm>].

Исследователи И.Р. Купер и Дж. Конклин понимают под гипертекстом «способ коммуникации и организации знания, который включает в себя само знание (текст), компьютер и программное обеспечение» [Купер <http://www.nir.ru/sj/sj/sj1-2-00kuper.html>], а Д. Энгельбарт называл его «расширенной мастерской знаний» (augmented knowledge workshop), электронным пространством, в котором осуществляется производство и воспроизводство знаний [Engelbart 1976].

При определении гипертекста многие исследователи делают упор на текстовую составляющую данного явления и системный характер взаимоотношений его единиц. Сходные определения мы находим у О.В. Дедовой и С.А. Стройкова, которые трактуют данный феномен как «некоторый нелинейно организованный объем поликодовой и политематической информации, существующий в сети Интернет и обладающий текстовыми характеристиками, структурными и функциональными особенностями, интегрирующий непересекающиеся информационные ресурсы, между которыми могут быть установлены однонаправленные и перекрестные ссылки» [Дедова 2003: 116, Стройков 2007: 316]. Подобную точку зрения выражает М.М. Субботин, который дефинирует гипертекст как систему нелинейного представления единиц текстового материала с явно указанными связями между элементами, которые помогают читать материал в любом порядке, образуя разные линейные тексты [Субботин 2001: 37]. «Линеаризацию нелинейного текста» подчеркивает и И.А. Ильина, считающая, что элементы гипертекста

расположены в виде иерархического дерева или в виде сетевой структуры [Ильина 2005: 56].

Т.И. Рязанцева под гипертекстом понимает особый вид письменной коммуникации, особую форму организации письменного текста, опосредованную компьютерной средой и характеризующуюся процессом нелинейного письма и чтения, который обуславливается сегментацией и иерархической ассоциативной трибуцией фрагментов, а также возможностью множественного выбора развития сюжетно-тематического потока. Таким образом, гипертекст – это многоуровневая иерархическая система, основными элементами структуры которой являются гипотексты, система связей и система навигации [Рязанцева 2008: 3].

В качестве структурных элементов гипертекста О.В. Дедова, М.В. Масалова и О.В. Барст выделяют: 1) отдельную информационную единицу; 2) гипертекстовую ссылку (средство, делающее возможным переход от одной информационной единицы к другой) [Дедова 2006; Масалова 2003; Барст 2005].

Отдельная информационная единица, представленная файлом, узлом, модулем, является основой структуры гипертекста. Автор, составляющий гипертекст, структурирует всю информацию в виде определенного числа текстов, сравнительно небольших по своему объему.

Гипертекстовая ссылка считается основным средством реализации когезии и обеспечения когерентности в электронном гипертексте. О.В. Дедова считает основной характеристикой гиперссылки «двунаправленность, т. е. функциональную связь двух текстовых или графических изображений» [Дедова 2006: 29].

В пределах одной гиперссылки следует различать:

- источник ссылки – часть текста, текстовое или графическое изображение на экране, через активизацию которых вызывается новый текст или изображение на экран;

- объект ссылки – новый текст или изображение, появляющееся в результате активизации ссылки.

Структурно гипертекст состоит из гипотекстов – минимальных значимых единиц, обладающих семантической целостностью, простой текстовой формой и единым неразрывным внутренним содержанием [Махов 2010: 12].

Очевидно, что современный гипертекст, опосредованный компьютерной средой, дает реципиенту мгновенный доступ к совокупности референтных текстов, что является основным его отличием от гипертекстов досетевой эпохи. Однако нелинейная форма представления знаний не является феноменом компьютерной глобализации, такой вид письма применялся для религиозных писаний, широко использующих многочисленные сноски, ссылки, комментарии. Примером может служить Библия, которая состоит из книг Старого Завета и книг Нового Завета, подразделяющихся на «стихи».

Представляется целесообразным разграничить понятия книжного, или лингвистического, гипертекста и электронного гипертекста. Электронный гипертекст О.В. Дедова понимает как «модель организации электронного текста, характеризующаяся специфической структурированностью и разветвленной системой программно поддерживаемых внутритекстовых и межтекстовых переходов, предполагающая возможности читательского интерактивного воздействия на последовательность воспроизведения композиционных единиц» [Дедова 2006: 13].

Книжный гипертекст, по мнению С.С. Панфиловой, представляет собой нелинейную структуру, где информация публикуемого

художественного текста по разным каналам коррелирует с информацией вторичных нехудожественных текстов, окружающих базовый художественный текст в границах отдельного издания [Панфилова 2009: 7].

Согласно концепции лингвистического гипертекста, предложенной Н.А. Шехтманом, континуальность смысловой структуры текста всегда противопоставлена линейности, дискретности его речевого воплощения. Вследствие этого осмысление прочитанного возможно только при условии выхода за пределы речевого воплощения текста. Такой выход предлагает гипертекст, реализованный в виде комментария, сносок, примечаний, поясняющих различные особенности художественного текста и глубинный смысл некоторых художественных подробностей. «Предназначение гипертекста состоит в том, чтобы превратить знания комментатора в информацию для читателя, расширить диапазон и знания, и информации» [Шехтман 2005].

Вслед за Н.Ф. Ковалевой, мы придерживаемся следующего понятия лингвистического гипертекста: ЛГТ - это нелинейно организованный объем политематической информации толковательного плана, вынесенный за рамки основного содержания текста в виде блоков, которые могут быть связаны между собой при помощи ссылок [Ковалева 2004: 29]. В качестве лингвистического гипертекста мы рассматриваем затекстовые комментарии к иноязычным художественным текстам.

Итак, гипертекст предстает как сложное явление современной человеческой коммуникации, являющееся объектом изучения различных наук – социологии, информатики и, конечно, лингвистики.

2.2. Функции гипертекста

Описывая гипертекст, необходимо подчеркнуть его огромное значение в осмыслении и понимании художественного текста и обратиться к функциям, выполняемым гипертекстом. Т.И. Рязанцева [Рязанцева 2008] выводит систематическое описание пяти функций гипертекста: репрезентативной, когнитивной (или эвристической), дидактической, суггестивной и фатической.

Репрезентативная функция гипертекста – это возможность хранения, упорядочения (систематизация и классификация) и обобщения информации, создание когнитивных карт, энциклопедий и т. д. Гипертекст позволяет охватить большой объем хорошо изученной, обобщенной и упорядоченной информации и изложить ее так, чтобы она была понятна любому неподготовленному читателю. Информация представляется в наиболее полном виде и, что особенно важно в функциональном отношении, в сжатой, компактной форме. Данная функция гипертекста реализуется при создании различного рода баз данных и нормативной документации, словарей, справочников, инструкций, обзоров, рефератов, адаптаций и т. д.

Когнитивная, или эвристическая, функция гипертекста подразумевает приумножение, накопление информации и исследование малоизученных областей. В случае реализации этой функции обычно имеется мало достоверных сведений о предмете изучения, и эти сведения носят частный или узкий характер. Области реализации когнитивной функции гипертекста – научные исследования, которые могут быть представлены такими видами текстов, как доклад, статья, диссертация и т. д. Структура гипертекста позволяет дополнить существующие гипотексты и неограниченно «наращивать» новые, приумножая имеющуюся информацию.

Возможность изучения и овладения информацией, которая позволяет охватить большой объем как общих, так и частных сведений, осуществляется

за счет дидактической функции гипертекста. Структура гипертекста дает возможность охватить предмет изучения всесторонне, учесть различные аспекты и подходы к его изучению. Кроме того, представление материала может быть дополнено визуальной, звуковой и видеоинформацией, что обеспечивает наиболее эффективное усвоение. Примерами реализации дидактической функции могут служить учебники, инструкции, пособия, своды правил и т. д.

Суггестивная функция гипертекста позволяет осуществлять манипуляции информацией, влиять на читателя, представлять аргументы или альтернативы и стимулировать выбор адресата. В случае реализации этой функции мы обычно имеем дело с небольшим объемом неподтвержденной или спорной информации. Потенциальный адресат сообщений подобного рода либо не знает предмета вообще, либо знает много, но сомневается в этом знании, не знает деталей или тонкостей описываемой ситуации. Суггестивная функция гипертекста находит реализацию в средствах массовой информации, в практике связей с общественностью, рекламном деле, судопроизводстве и т. д. Образцом текстов такого рода могут служить публикации политического, рекламного, полемического и аналитического характера.

Фатическая функция гипертекста подразумевает воздействие на эмоционально-психологическое восприятие читателя, установление и поддержание контакта. Гипертекст приближает адресата к миру адресанта, находя точки соприкосновения на эмоциональном уровне.

Эвристическую ценность и важность для нашего исследования представляет типология функций гипертекста, представленная Н.А. Шехтманом [Шехтман 2013]. Согласно данной типологии предлагаются следующие функции лингвистического гипертекста:

1. Воздействие на коммуникативную область партнера по коммуникации с целью сокращения гносеологического расстояния между коммуникантами. Художественный текст становится напряженным, когда возникает необходимость воспринять смысл, для которого в памяти реципиента нет соответствующих знаний, что объясняет сложности восстановления денотатов адресатами. Напряженность минимизируется благодаря сближению объемов означаемого и означающего в тезаурусах реципиентов речевого произведения, чему служит гипертекст как пространство социального и когнитивного взаимодействия отправителя и получателя информации. Гипертекст способствует преодолению временного и пространственного барьера между автором и разными читателями, которые в разной степени подготовлены к восприятию сообщения. Наличие или отсутствие лингвистического гипертекста к художественному произведению является показателем когнитивного расстояния между адресатом и адресантом.

2. Социальное приспособление тезауруса адресанта к тезаурусу адресата. Информационная насыщенность текста субъективна для различных реципиентов, равно как и информационные потребности пользователей не могут быть одинаковы. ГТ выполняет функцию приспособления речевого акта к социальному положению реципиента, консолидируя тех, кто разделяет провозглашаемые в гипотекстах ценности. Следовательно, можно говорить о социальной обусловленности содержащейся в них информации. Оценочное отношение к событию (чаще, чем к предмету) организует размеры социальной группы.

Целесообразно отметить, что лингвистический гипертекст выступает как инструмент не только расширения, но и определения тезауруса реципиента. Затекстовый комментарий к каждому произведению может рассматриваться как набор лакун, составляющих часть тезауруса, существующего вне когнитивного пространства адресата и не входящего в

его когнитивную базу. Таким образом, лингвистический гипертекст, состоящий из множества комментариев, в идеале представляет собой модель тезауруса, не входящего в когнитивную базу предполагаемого адресата.

Суммируя вышесказанное, можно сказать, что левая часть комментария, т. е. то, что комментируется, определяет тезаурус адресата, а правая часть, т. е. сам комментарий, представляет собой инструмент заполнения языковых лакун в тезаурусе адресата.

3. Вербализация информации, не вербализованной в тексте.

Полноценное понимание текста зависит, помимо прочего, от умения читать между строк. Не все, что находится за рамками того, что постигается сознанием, вербализуется средствами языка. В данном случае речь идет о выводных знаниях, которые подсказываются интуицией читателя и прочитанными ранее произведениями – факторами, которые не совпадают у разных читателей [Шехтман 2013: 159–163].

Итак, выполняя такие функции, как определение и расширение тезауруса реципиента, сближение когнитивных полей адресата и адресанта и сокращение пространственно-временной дистанции между ними, гипертекст выполняет свое предназначение как способ нейтрализации возможных коммуникативных сбоев, возникающих в процессе чтения текста.

2.3. Формальный и концептуально-содержательный аспекты классификации единиц лингвистического гипертекста

Традиция составления комментариев с целью наиболее полного и всестороннего проникновения читателя в содержание текста, созданного на

незнакомом языке или устаревшем варианте известного, имеет давнюю историю, и ее истоки мы можем обнаружить в различных культурах. Само слово «комментарий» восходит к латинскому слову «commentarius», что означает «заметки, толкование». В рамках нашего исследования затекстовые комментарии к художественным текстам рассматриваются как лингвистический гипертекст, т. е. нелинейно организованный объем политематической информации толковательного плана, вынесенный за рамки основного содержания текста в виде блоков, которые могут быть связаны между собой при помощи ссылок.

Комментарий к отдельно взятому фрагменту текста представляет собой особый пояснительный текст, оказывающий непосредственное влияние на понимание читателем произведения в целом, так как из отдельных элементов складывается общая картина восприятия. Насколько точна, содержательна, контекстуальна и релевантна будет информация в комментарии, настолько полнее и адекватнее будет понимание читателем художественного текста, т. е. будет расшифрована авторская интенция, замысел. «Независимо от того, для какой читательской категории комментарий предназначен, он не представляет собой чего-то автономного от текста, а подчинен ему – он должен помочь читателю понять текст. Комментарий – сателлит текста» [Рейсер 1970: 293].

Ю.М. Лотман в предисловии к своему комментарию к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» подчеркивает двойкий характер пояснений. Текстуальные пояснения, по его мнению, это те, которые относятся «к предметам и явлениям быта как вещественного, <...> так и нравственного <...> и социального и к их художественной функции в тексте» [Лотман 1980: 473]. Концептуальные пояснения подразумевают «интерпретации: историко-литературные, стилистические, философские» [там же].

Закономерно утверждать, что при составлении лингвистического гипертекста к художественному произведению применяется лингвопоэтический анализ, который «рассматривает способы использования

метасемиотических свойств языковых единиц в рамках произведения, их роль в отражении авторского намерения и идейного содержания произведения» [Борисова 2008: 473–474]. Анализ языкового материала с учетом художественно-композиционных и сюжетных особенностей произведения позволяет сделать вывод о том, каким образом совокупность языковых средств разных уровней участвует в создании образа и, следовательно, помогает читателю воспринять эмоционально-эстетическое воздействие, оказываемое автором художественного текста [Борисова, Стройков 2010: 148].

Таким образом, контекст существования художественного произведения многообразен – языковой, культурный, литературный, исторический. Необходимым представляется проанализировать зависимость совокупного смысла текста, и, следовательно, понимания текста реципиентом, от данных контекстов.

В рамках нашего исследования мы анализировали единицы комментариев к художественным текстам в двух аспектах – **формальном и концептуально-содержательном**. К формальному аспекту относятся единицы таких уровней, как фонологический, лексико-фразеологический, грамматический и стилистический. Концептуально-содержательный аспект подразумевает наличие в комментарии единиц культурологического, литературоведческого и сюжетно-экспликационного планов.

Наш выбор таких критериев для классификации единиц комментария обусловлен следующими причинами:

1. Мы рассматриваем процесс межкультурной коммуникации, опосредованной художественным текстом, соответственно, говорим о понимании иноязычного художественного текста, осложненного языковым барьером. Согласно теории В. фон Гумбольдта, гипотезе лингвистической относительности Э. Сепира и Б.Л. Уорфа, концепции У. Эко, отечественных филологов Л.А. Новикова, Ю.С. Степанова и др., мир лингвистически структурирован, из чего следует, что индивид всегда ограничен

определенными языковыми рамками: язык проговаривает нас. Прежде чем начать понимать глубинные смыслы, заложенные в тексте, реципиенту необходимо дешифровать языковой код. Следовательно, единицы формального аспекта неизменно присутствуют в любом типе комментария.

2. Любой иноязычный художественный текст является отображением культуры, этноса своего народа и страны, и понимание такого текста не будет полным без знания определенных реалий и социокультурных особенностей страны изучаемого языка. Следовательно, культурологическая, или страноведческая, группа должна быть включена в данную классификацию. К данной группе мы относим такие единицы, как исторические события, имена собственные, реалии, топонимы.

3. Поскольку любое художественное произведение не живет само по себе, а существует в рамках глобального процесса межтекстового взаимодействия, то, как уже было отмечено, интертекстуальность является его неотъемлемой категорией. Таким образом, включение литературоведческой составляющей в данную классификацию представляется необходимым.

4. Поскольку тексты, с которыми мы имеем дело – тексты художественные, то в каждом из них будет присутствовать композиция и сюжет различной сложности. Читатель должен правильно интерпретировать сообщение автора, увидеть скрытый смысл. Нередко это вызывает определенные трудности, особенно, когда речь идет о чтении на иностранном языке. Следовательно, наличие сюжетно-экспликационной составляющей, призванной обратить внимание читателя на определенные моменты, касающиеся сюжета произведения.

К формальному аспекту мы отнесли единицы таких уровней, как:

1. Фонологический: отклонения от фонетической нормы языка, которые могут представлять помеху для воссоздания смысла текста.

Например:

mebbes – dialect: maybe [Darling / Хьюитт 2010: 11];

innit? – isn't it? [Thorpe / Хьюитт 2011:32];

you in 't gonna – you are not going to [Thorpe / Хьюитт 2011: 89].

2. Лексико-фразеологический: к этой подгруппе отнесены единицы языка, которые могут представлять трудности для понимания, а именно:

- **идиомы и фразеологизмы:**

She just got carried away – She just lost control of her own emotions [Darling / Хьюитт 2010: 27];

the herd followed - a standard phrase, taken from the behaviour of sheep or cows. Once one animal has been persuaded to take a particular route, the others follow. [Faulks / Хьюитт 2010: 152];

out of the frying pan into the fire - escaping from one difficulty only to get into a worse one. [Thorpe / Хьюитт 2011:330];

you have to put your foot down — you have to assert your authority. [Darling / Хьюитт 2010: 17].

- **сленг и разговорные выражения.** Лексические единицы, относимые к данной подгруппе, часто сопровождаются в комментарии пометами *вульг., разг., сленг, жарг., col. (colloquial), slang, inf. (informal):*

won the pools – (colloquial) won the football lottery [Darling / Хьюитт 2010: 247];

We're skint – colloquial: we don't have any money [Darling / Хьюитт 2010: 11];

dud – (slang) counterfeit, useless [Michael Frayn / Хьюитт 2006: 45];

he'd at least picked up some street nous - nous (pronounced to rhyme with house) is an informal word (deriving from a Greek philosophical term) meaning

good sense, common sense, often derived from experience. [Faulks / Хьюитт 2010: 117];

sarky - informal for sarcastic [Darling / Хьюитт 2004: 39].

- **иноязычные вкрапления.** Данные лексические единицы часто сопровождаются указанием на источник заимствования:

Money was tight chez Tranter –“chez” is the French equivalent of the Russian word “У”. There is no exact English equivalent, so ‘chez’ is sometimes used in mildly comic situations. [Faulks / Хьюитт 2012: 22];

Nec enim potest animal injuriam fecisse, quod sensu caret – (Lat.) The animal cannot offend against the law for it does not have a mind. [Barnes / Хьюитт 2007].

- **сокращения и аббревиатуры:**

RVI- Royal Victoria Infirmary (the main hospital). [Faulks / Хьюитт 2010: 208];

He was in his GCSE year. - English pupils take a national examination in several subjects when they are 16, the ‘General Certificate of Secondary Education’. [Faulks / Хьюитт 2010: 40];

DIY – Do It Yourself, i.e. handyman’s work which the householder does himself, instead of paying an expert to do [Weldon / Хьюитт 1994: 228];

- **устаревшие слова, т. е. историзмы, архаизмы:**

thou, thee, thine - the pronouns of the second person singular. They are no longer used in standard English; we use 'you' for both singular and plural. They were in frequent if inconsistent use until the nineteenth century. The verb in the present tense with thou ends in st or est: thou seest; thou knowest. [Thorpe / Хьюитт 2011:19];

afeared – archaic: afraid [Thorpe / Хьюитт 2011:110].

- полисемичные единицы языка.

there must have been plenty of people ready to out a closet Bible-reader - a 'closet' Bible-reader means someone who reads the Bible in secret, for fear of persecution. [Michael Frayn / Хьюитт 2006: 154];

well hawkin boy hawkin out all the hate in us... - 'hawking' is coughing, particularly coughing from deep in the lungs, and then spitting out the phlegm. [Michael Frayn / Хьюитт 2006: 206];

broody – behaving like a girl in the process of growing up [Trevor / Хьюитт 1994: 220].

- общие термины и прочие слова, представляющие трудность для читателя:

bi-polar disorder - this term is now used regularly to describe people who suffer from periodic swings between a hyper-active, energetic, frenetic state of mind and a 'downswing' into serious depression. One scientific hypothesis is that many artists and writers of earlier times may have suffered from this syndrome, in which people can be creative for a period, and incapable of crawling out of bed at another period. [роман Себастьяна Фокса «Неделя в декабре»: комментарии 2012: 47];

Johnny appears disinterested; Johnny appears uninterested. - ... these words have distinct meanings, 'disinterested' means 'without bias, objective'. If you are, for example, a politician who has to decide whether a building company will get planning permission to build a group of houses, you should look at all the factors, and make a disinterested decision. If you are an investor in the company and will make a profit if the planning permission is given, you cannot be disinterested. 'Uninterested' means 'not interested, bored, without curiosity. [роман Себастьяна Фокса «Неделя в декабре»: комментарии 2012: 42];

ewe – a female sheep [Thorpe / Хьюитт 2011: 112].

Представляется существенным отметить, что включение комментатором той или иной единицы этого уровня в затекстовый комментарий зависит от «доступности» данного слова или выражения. Например, фразеологические глаголы, которые являются общеупотребительными и относятся к нейтральной лексике, не подлежат комментарию. Рассмотрим следующий фрагмент художественного текста, не включенный в затекстовый комментарий:

At ten o'clock, Roger and Amanda Malpasse left their Chilterns house and set off for London and the Toppings' party. [Faulks 2010:331].

Обратившись к источнику «Новый большой англо-русский словарь», мы находим следующее: 1) *отправляться в путь, выезжать куда-л.* [Новый большой англо-русский словарь 2002]. Данная статья в словаре находится под номером один, что говорит об общеупотребимости данного значения. Лексическая распространенность приведенного выражения позволила комментатору художественного текста не вносить его в свой список.

Проанализируем другой пример для подтверждения наших выводов: *As someone educated at a grammar school before **the towel was thrown in** Tranter had an asset: literacy* [Faulks 2010: 172].

Выражение «to throw in a towel» не зафиксировано в Новом большом англо-русском словаре и является аутентичным, поэтому комментатор сопроводил его следующей статьей, представляющей не только значение идиоматического выражения («to give up, abandon the struggle» – сдаваться), но и этимологическую информацию (выражение имеет спортивное происхождение, используется тренером в бою по боксу для обозначения того, что соревнующийся принимает поражение):

This phrase comes from boxing, the trainer throws a towel into the boxing ring when his man can no longer continue the fight. So it's an idiom meaning "to give up, to abandon the struggle [роман Себастьяна Фокса «Неделя в декабре»: комментарии 2012: 62].

2. Грамматический: в данную подгруппу включены отклонения от грамматической формы слова, изменения в морфологической структуре слова, либо другое изменение формы слова, выбранное автором для создания образа художественного персонажа:

I be afeared, Francis – I am afraid, Francis [Thorpe / Хьюитт 2011:110];

goatgirl – a girl who looks after the goats [Unsworth / Хьюитт 1995: 173];

there must have been plenty of people ready to out a closet Bible-reader - 'to out' means to reveal a secret truth about someone. A 'closet' Bible-reader means someone who reads the Bible in secret, for fear of persecution. [Michael Frayn / Хьюитт 2006: 154]

Поскольку морфологические изменения слов часто ведут к изменению синтаксической структуры предложения, а синтаксис является разделом грамматики, в данную подгруппу также включены отклонения от норм синтаксической организации текста, отличные от обычного способа выражения: эллиптические конструкции, синтаксические повторы, инверсия и т.д.:

Can't disgoue what thee has aready cut - 'You can't put back into a piece of wood what you have already cut out of it.' [Thorpe / Хьюитт 2011:196];

He could spot a tree as were ready better than arn other – He could spot a tree that was ready for felling better than any other person [Thorpe / Хьюитт 2011: 119].

5. Стилистический: в рамках данной подгруппы рассматриваются тропы и стилистические фигуры, которые использовал автор для воссоздания картины произведения. В комментарии, как правило, называется конкретный прием, к которому прибегнул автор и приводится его истолкование, необходимое для понимания данного художественного текста, поэтому очень часто единицы данной подгруппы сопровождаются единицами сюжетно-экспликационного плана.

Для нашего исследования членение содержимого данной подгруппы на отдельные составляющие по типу стилистического средства не является основополагающим, поскольку нас интересует не теоретический анализ единиц комментария, а то, насколько значимо использование того или иного стилистического средства для понимания произведения.

'So you've had a nibble?' - a metaphor from fishing. Before a fish takes a big bite and impales itself on the hook, it sometimes nibbles tentatively at the bait.

[роман Майкла Фрейна «Одержимый»: комментарии 2006: 33];

Normalism - a play on words. Though Laura mispronounces "nominalism", in the context of the novel this neologism acquires a new and unexpected meaning: Martin, who is getting more and more involved in the strange affair, is losing contact with his normal life. [роман Майкла Фрейна «Одержимый»: комментарии 2006: 43];

a ziggurat of his head of chamber's upcoming briefs - A 'brief (in this sense) is a legal case which a barrister has been asked to prosecute or defend; it consists of a folder of documents about the case. 'Upcoming' means briefs which are due to be dealt with. A ziggurat is an ancient Assyrian or Sumerian building constructed in tiers - so here it is used as a metaphor for a pile of books. The word is used in similes quite often to describe an untidy pile of books or papers. [роман Себастьяна Фокса «Неделя в декабре»: комментарии 2012: 25];

An allotrope of myself - an allotrope is a variation of physical properties without change of substance. Martin is using it as a metaphor for his other, shadowy or potential 'self. [роман Майкла Фрейна «Одержимый»: комментарии 2006: 36].

Необходимо отметить, что единицы комментария, относящиеся к стилистическому уровню, не могут рассматриваться отдельно от лексико-фразеологического, грамматического и фонологического уровней, поскольку стилистический уровень аккумулирует единицы всех уровней и выражается через них. Кроме того, как мы уже отметили, единицы данной подгруппы часто сопровождаются пояснением сюжетно-экспликационного плана,

которое неизбежно возникает при истолковании стилистического средства в данном контексте.

В следующем примере приведен фрагмент затекстового комментария, который не только содержит указание на аллюзивное авторское употребление компонентов идиомы и указывает ее подробное значение как в прямом, так и в переносном смыслах, но и дает информацию сюжетно-экспликационного характера:

There are no such things as free wishes. – An allusion to a popular saying, ‘There are no such things as free lunches’ which literally means that if some businessman buys you an expensive lunch, he wants a favour from you. Metaphorically it means that no one ever gets something for nothing, either emotionally, or materially. You always have to pay in some way. ‘Wishes’ are not ‘things’ so many people assume that fantasies are free. Louise is discovering that even fantasies come with a price - an emotional price. [роман Джулии Дарлинг «Дочь таксиста»: комментарии 2010: 42].

Концептуально-содержательный аспект исследуемых единиц комментария позволяет нам выделить единицы комментария культурологического (страноведческого), литературоведческого и сюжетно-экспликационного планов.

Единицы комментария, относимые к культурологической группе, предполагают наличие у реципиента лакун, связанных с разностью культурных картин мира адресанта и адресата. Как мы неоднократно отмечали, именно различие культур, а не языков, является основной причиной коммуникативных сбоях при прочтении художественного текста.

К единицам культурологического плана относятся названия исторических событий, имена собственные, топонимы:

Russian pogroms – anti-Jewish riots in western parts of Russian empire in the late nineteenth and early twentieth centuries [Роман Себастьяна Фокса «Неделя в декабре»: комментарии 2012: 34]. В данном фрагменте автор

художественного текста упоминает массовые насильственные антисемитские акции в конце XIX – начале XX века. Лексическая единица «Russian pogroms» носит идиоэтнический характер.

hanging straps and worn plush – train carriages that still had hanging straps rather than the bars that are familiar in Moscow [роман Себастьяна Фокса «Неделя в декабре»: комментарии 2012: 34]. В данном случае автор вспоминает подвесные ремни на поручнях, столь характерные для пригородных поездов в Великобритании.

the turkey and the streamers – roast turkey and paper decorations at Christmas [роман Себастьяна Фокса «Неделя в декабре»: комментарии 2012: 15]. Жареная индейка и бумажные гирлянды – вот что автор произведения рассматривает как традиционные составляющие Рождества в Великобритании.

MP in a recent by-election – Member of Parliament who was elected not during the «General Election», but in a special election [роман Себастьяна Фокса «Неделя в декабре»: комментарии 2012: 18]. В данном случае комментатор поясняет особенности системы выборов членов парламента, «MP in a by – election» обозначает, что депутат был выбран в ходе дополнительного голосования.

builder's tea – very strong black tea with plenty of milk and sugar [роман Себастьяна Фокса «Неделя в декабре»: комментарии 2012: 10]. Именно так называют в Великобритании очень крепкий чай с молоком и сахаром.

Единицы литературоведческого плана являются языковыми проявлениями такой характеристики художественного текста, как интертекстуальность. Художественный текст является непосредственной манифестацией и реализацией культуры. Но в культуре тексты не существуют изолированно друг от друга, наоборот, они связаны, совмещены, сплетены в целостную сеть. Они образуют так называемую «семиосферу» [Лотман 1992: 130]. Сталкиваясь с текстом, в котором присутствуют

разнообразные интертекстуальные включения, реципиент при осмыслении и реконструкции текста все больше использует возможность свободы его истолкования. Таким образом, интертекстуальность универсальна и не имеет границ.

Итак, в аспекте интертекстуальности каждый новый текст рассматривается как некая реакция на уже существующие тексты, которые могут использоваться как элементы художественной структуры новых текстов. Основными маркерами, т. е. языковыми способами реализации категории интертекстуальности в тексте, могут служить цитаты, аллюзии, реминисценции, афоризмы. Нередко и в заглавии художественного произведения можно встретить так называемое «чужое слово». «Наличие «чужого слова» в заглавии – сильной позиции художественного произведения – еще в большей степени подчеркивает интенцию автора выйти на уровень интертекстуального диалога, внести свой вклад в разработку общечеловеческих проблем» [Бахтин 1994: 109]. Итак, обратимся к примерам единиц, составляющих данную подгруппу:

Agatha Christie and Edith Wharton – an unlikely pair of favourite writers. Christie is an old-fashioned, easy-reading detective story writer; Edith Wharton is an early twentieth century American writer of high artistic standards, elegant prose and subtle moral explorations. Faulks is wanting to show us an intelligent but uneducated girl who reads widely but has not yet learnt to discriminate [роман Себастьяна Фокса «Неделя в декабре»: комментарии 2012: 15]. В данном примере комментатор помогает читателю сделать вывод о некоторых чертах, присущих героине романа. Так, указывая на тот факт, что произведения писателей Агаты Кристи и Эдит Уортон имеют мало общего в литературно-художественных стилях и ориентированы на различные читательские аудитории, комментатор дает понять несоответствие в выборе героини, незрелость ее литературного вкуса.

she's into that Lady Macbeth. Out damn spot! - As we know, Stella is studying Shakespeare's play, Macbeth, for a school performance and, very

probably for her A-levels (Advanced Level) which is the popular name given to the school-leaving examination taken by pupils who want to continue to University. In the play, Lady Macbeth is a much- fiercer character than her husband. She persuades him to murder the king, but later suffers from desperate nightmares. She sleepwalks, looks at her hands, and tries to wash off the (imaginary) blood, crying 'Out, damned spot!' [роман Джулии Дарлинг «Дочь таксиста»: комментарии 2010: 26]. Выражение «Out, damned spot!», ставшее нарицательным, представляет лакуну для определенного круга читателей, незнакомых с литературным подтекстом.

Поскольку тексты, с которыми мы имеем дело – тексты художественные, то в каждом из них будет присутствовать определенная композиция, сюжет, скрытые неочевидные подтексты. Читатель художественного текста, который находится в отношении сотворчества к получаемому сообщению, должен правильно интерпретировать то, что хотел сказать автор.

Сюжет рассматривается как система событий и отношений между героями, развивающаяся во времени и пространстве. При этом события в произведении не всегда располагаются в причинно-следственной и временной последовательности. Единицы сюжетно-экспликационного плана направлены на пояснение некоторых моментов произведения, как ключевых, так и второстепенных, связанных с сюжетом, и их целью является наиболее полное и глубокое понимание реципиентом сообщения автора, с которым он, в отличие от ситуации реального диалога, разделен пространством и временем.

He was obliged to take occasional jobs to maintain a position on the benefit ladder - Tony would prefer to live on unemployment benefit but there are rules which insist that he must seek - and find - employment, at least for a time, if he wants to receive benefit when he again becomes unemployed. [роман Себастьяна Фокса «Неделя в декабре»: комментарии 2012: 18];

It was beautiful. A beautiful thing. - Louise's sense of the shoe's beauty is as intense as some of Caris' emotions. [роман Джулии Дарлинг «Дочь таксиста»: комментарии 2010: 31];

Her mother's door is closed - This does not mean that Louise sleeps apart from Mac. They share a bedroom, but in this case, Caris is intensely aware that it is where her mother can go to shut herself away. [роман Джулии Дарлинг «Дочь таксиста»: комментарии 2010: 25].

Материалом для проведения нашего исследования послужили современные художественные тексты на английском языке с затекстовыми комментариями. Большинство проанализированных произведений рассчитано на широкую читательскую аудиторию и предназначено для всех читающих по-английски. Однако для демонстрации полученных результатов мы считаем уместным и достаточным привести в тексте исследования показатели трех произведений: Джулия Дарлинг «Дочь таксиста», Себастьян Фокс «Неделя в декабре», Адам Торп «Алвертон».

Результаты применения предложенной нами классификации представлены в нижеследующих таблицах (табл. 1; 1.1):

Таблица 1

Название произведения	Формальный аспект				Концептуально-содержательный аспект		
	единицы фонологического уровня	единицы лексико-фразеологического уровня	единицы грамматического уровня	единицы стилистического уровня	единицы культурологического плана	единицы литературоведческого плана	единицы сюжетно-экспликационного плана
The Taxi Driver's Daughter (единиц комментария - 166)	3 единицы 1.8%	26 единиц 15.6%	4 единицы 2.4%	19 единиц 11.4%	50 единиц 30.1%	2 единицы 1.2%	62 единицы 37.3%
A Week in December (единиц комментария - 222)	2 единицы 0.9%	55 единиц 24.7%	3 единицы 1.4%	31 единица 14%	80 единиц 36%	4 единицы 1.8%	67 единиц 30.1%
Ulverton (единиц комментария - 268)	11 единиц 4.1%	52 единицы 19.4%	16 единиц 6%	28 единиц 10.4%	67 единиц 25%	9 единиц 3.3%	85 единиц 31.7%

Таблица 1.1

Название произведения	Общее число страниц текста	Общее количество страниц комментария	Общее число единиц текста	Общее число единиц комментария	Процент комментирования
The Taxi Driver's Daughter	264	25	94248	1353	1,44%
A Week in December	392	44	104664	3082	2,94%
Ulverton	370	74	102860	3959	3,85%

Как видно из приведенной таблицы, в комментарии представлены единицы обоих аспектов (формального и концептуально-содержательного), что подтверждает наше предположение о том, что лингвистический гипертекст можно представить как средство нейтрализации коммуникативных сбоев (элиминирования лакун) как лингвистического, так и экстралингвистического характера. В комментариях к трем произведениям наибольшую часть представляют единицы, относимые к:

- единицам культурологического плана концептуально-содержательного аспекта (Джулия Дарлинг «Дочь таксиста» - 30.1%, Себастьян Фокс «Неделя в декабре» - 36, Адам Торп «Алвертон» -25 %). Единицы культурологического плана являются обязательными составляющими любого комментария к художественному тексту. Значительное количество единиц культурологического плана свидетельствует о насыщенности текста единицами, выражающими всевозможные реалии, что, безусловно, повышает степень его семантической напряженности, так как многие культурные реалии, специфичные для данного народа, являются сложными для понимания текста иноязычным читателем.

Несмотря на то, что многие реалии носят универсальный характер, русскоязычный реципиент, принадлежащий широкой читательской аудитории, может быть не осведомлен (или недостаточно осведомлен) об их значении. Более того, толкование таких реалий способствует созданию более подробной, колоритной фикциональной картины произведения. Проиллюстрируем полученные результаты несколькими примерами:

Ah, the Big Five... Big Four nowadays - These are the huge international accounting firms that deal with major work such as checking the accounts of banks. There used to be five such giants, but one closed ten years ago, so now

there are four, one based in the USA, one in Holland and two in Britain, but all working internationally. [роман Себастьяна Фокса «Неделя в декабре»: комментарии 2012: 62];

the A-star she got for her history lesson - 'A' is the top grade when work is marked at school. As in Russia, we suffer from 'grade inflation': too many pupils get an 'A' so it ceases to mean much. So a new 'very excellent' mark is introduced: 'A' with a *(star). [роман Джулии Дарлинг «Дочь таксиста»: комментарии 2010: 42]. Подобная информация представляет затруднение для русскоязычных читателей, незнакомых с системой оценивания в Великобритании.

This Slav business - the assassination of the Archduke Ferdinand by a Serbian nationalist, Gavrilo Princip, which was absolutely nothing to do with the British, but which the Rector was sure would lead to war. [роман Адама Торпа «Алвертон»: комментарии 2011: 76]. Данный факт имеет субъективный культурно-исторический характер, что представляется в комментарии посредством уточнения информации относительно важности именно этого события для британцев.

with a straw doll hung about her neck - We learn more about this straw doll or 'com dolly'. Such dolls are a few inches high, made out of tightly woven bundles of straw, and often tied with red ribbons. They are associated with many superstitions. [роман Адама Торпа «Алвертон»: комментарии 2011: 36]. Национально-специфический колорит всевозможных традиций и обычаев находит свое отражение в языке, следовательно, комментирование единиц, обозначающих подобные явления, позволяет приблизить картины мира автора и читателя как представителей разных культурных сообществ.

7d for each night - Seven old pence which meant about one thirty-fifth of a pound. Prices have changed over the centuries so we can only compare like with like. Plumm gives £5 to build a new chapel. He is a pious man, who expects to

donate a serious sum. [роман Адама Торпа «Алвертон»: комментарии 2011: 36]. Как и в предыдущем примере, идиоэтнический характер приведенной реалии обуславливает включение ее в комментарий для элиминирования возможной лакуны в тезаурусе реципиента, незнакомого с английской валютой того времени.

Chittagong - a port on the Bay of Bengal, which in 1914 was in India, today is in Bangladesh. At that time India was part of the British Empire. Thousands of Englishmen spent their working lives in the sub-continent, administering a complicated society of hundreds of millions of people. Many of them hated the (various) climates; their wives had to suffer with them. [роман Адама Торпа «Алвертон»: комментарии 2011: 75]. В каждой географической местности встречаются названия пунктов, которые являются сугубо идиоэтническими. Для создания достоверной картины автор, безусловно, включает в текст подобные топонимы. Задача комментатора – снабдить читателя необходимой информацией для заполнения возможной лакуны;

- к единицам сюжетно-экспликационного плана концептуально-содержательного аспекта (Джулия Дарлинг «Дочь таксиста» - 37.3%, Себастьян Фокс «Неделя в декабре» - 30.1%, Адам Торп «Алвертон» -31.7%). Единицы сюжетно-экспликационного плана также являются обязательными для комментария к любому художественному тексту, необходимыми для раскрытия его сюжета читателю в полном объеме. Проиллюстрируем полученные результаты:

like doing a jigsaw puzzle over and over again. - Mac is intelligent, he can draw lively comparisons; he can think. But without Louise he is not good at dealing with all the emotional and mental complications of home life. [роман Джулии Дарлинг «Дочь таксиста»: комментарии 2010: 27].

It was beautiful. A beautiful thing. - Louise's sense of the shoe's beauty is as intense as some of Caris' emotions. They are much alike. [роман Джулии Дарлинг «Дочь таксиста»: комментарии 2010: 28].

the one area where it is best to be behind the game - Veals is of course deceiving Caroline, 'to be ahead of the game' means 'to be in front, picking up special information, sending out spies, knowing things that others competing don't know.' There are many laws which try to prevent financial institutions from using special 'insider information' to make their deals so Veals says, in a tone of virtue that he would never make deals involving such illegal information. In fact he is both using such information and (in this case) inventing it. [роман Себастьяна Фокса «Неделя в декабре»: комментарии 2012: 70];

- к лексико-фразеологическому уровню формального аспекта: Джулия Дарлинг «Дочь таксиста» - 15,6%, Себастьян Фокс «Неделя в декабре» - 24.7%, Адам Торп «Алвертон» - 19,4 %. Приведем несколько примеров для наглядности полученных результатов:

got the bit between his teeth - is now dashing onwards without control (from the 'bit' in the horse's mouth through which the rider can usually control him.) [роман Адама Торпа «Алвертон»: комментарии 2011: 89]. В данном случае возможную сложность для реципиента представляет авторское использование идиоматического выражения.

Fruit is for fruits - The second use of 'fruit' is a slang word for a mad person. [роман Себастьяна Фокса «Неделя в декабре»: комментарии 2012: 69]. Такое значение лексической единицы «fruit» является редкоупотребимым и нуждается в комментарии.

She just got carried away - She just lost control of her own emotions. (This idiom can be used in quite positive ways: The boys screamed with delight, carried away by the excitement of the evening.) Лексическая единица «get carried away» является идиоматическим выражением и зафиксирована в Англо-русском

словаре под ред. В. К. Мюллера (24-е изд.), но комментатор посчитал нужным уточнить ее значение в данном контексте.

Got away with absolute murder - Managed to get his own way without paying any penalties. [роман Адама Торпа «Алвертон»: комментарии 2011: 90]. В данном примере идиоматическое выражение является малоупотребительным, и наличие комментария представляется необходимым.

Hooray hymies - ‘Hooray Henries’ - an informal idiom - are rich, rather stupid, upper-class young men who can be loud and offensive in public. ‘Hymie’ is popular (usually anti-Semitic) word for a young Jewish man. [роман Себастьяна Фокса «Неделя в декабре»: комментарии 2012: 70]. Лексическая единица «Hooray Henries» является сленговым выражением, более того, оно модифицировано автором, поэтому комментатор также уточняет значение лексической единицы “Hymie” и выражения, применительно к контексту.

Thatch - roofs made of bundles of straw tied and stapled together in such a way that they make the roof waterproof. [роман Адама Торпа «Алвертон»: комментарии 2011: 24]. Поскольку художественный текст рассчитан на широкий круг читателей, комментатор рассмотрел данную лексическую единицу как возможную лакуну в тезаурусе русскоязычного реципиента;

Суммируя вышесказанное, можно отметить, что наличие перечисленных единиц в комментарии говорит о том, что понимание инокультурного текста предполагает не только хорошее владение языковыми средствами, но и обладание реципиентом лингвокогнитивной компетенцией, знание прецедентных текстов и стереотипных ситуаций. Наиболее представленными единицами комментария являются единицы концептуально-содержательного аспекта, так как коммуникативные сбои провоцируются, в первую очередь, различием культур, а не различием языков. Другими словами, коммуникативные сбои, происходящие на уровне

межкультурной коммуникации, обеспечены языковыми и лингвокультурными расхождениями тезаурусов адресата и адресанта.

Наименее представленными в комментарии оказались единицы, относимые к фонологическому (0,9% – 4,1%) и грамматическому уровням (1,4% – 6%) формального аспекта. Такой результат является вполне закономерным, т. к., несмотря на преднамеренное искажение речи персонажей автором для создания достоверной фикциональной картины, смысл единиц подобного уровня легко восстановить благодаря контексту и языковому опыту адресата. Включение в комментарий всех единиц текста, относимых к фонологическому и грамматическому уровням, сделало бы комментарий громоздким, чрезмерным и давящим. С другой стороны, такие показатели говорят и о неусложненности синтаксиса и морфологии исследуемых текстов.

Единицы комментария, сгруппированные на стилистическом уровне формального аспекта, составляют: Джулия Дарлинг «Дочь таксиста» - 11.4% Себастьян Фокс «Неделя в декабре» - 14%, Адам Торп «Алвертон» -10.4% от общего количества комментариев. Единицы литературоведческого плана концептуально-содержательного аспекта: Джулия Дарлинг «Дочь таксиста» - 1,2%, Себастьян Фокс «Неделя в декабре» - 1.8%, Адам Торп «Алвертон» - 3,3 %. Однако сравнительно небольшое количество единиц на данных уровнях не говорит о стилистической незрелости автора или неиспользовании стилистических приемов, а свидетельствует о том, что, по мнению комментатора, авторское использование стилистических приемов не составит трудности для понимания текста реципиентом.

На основании данных Таблицы 1.1, можно сделать вывод о том, что рассмотренные художественные тексты имеют разную степень семантической напряженности, исходя из процента комментирования произведений. Наименее семантически напряженным оказался роман

Джулии Дарлинг «Дочь таксиста» - 1.44%, средней напряженности - Себастьян Фокс «Неделя в декабре» - 2,94%, с высоким уровнем семантической напряженности - Адам Торп «Алвертон» -3.85% .

Анализ количественных показателей представленности единиц комментария в нескольких аспектах позволяет нам говорить, что существует универсальная структура представления информации в лингвистическом гипертексте к художественному тексту, подразумевающая наличие формального и концептуально-содержательного аспекта. Вариации в процентном соотношении и количество единиц, относимых к тому или другому аспекту, зависят от следующих факторов: 1. Семантическая напряженность текста. 2. Адресованность художественного текста определенной читательской аудитории. 3. Личность комментатора.

2.4. Структурно-содержательные характеристики лингвистического гипертекста

Структура статьи комментария подразумевает наличие поясняемого объекта и пояснения. Поясняемый объект может быть представлен словом любой части речи, словосочетанием, предложением или аббревиатурой. Наиболее распространенными являются поясняемые объекты, выраженные:

- существительными (нарицательными и собственными):

parish - the area for which a single church has responsibility, especially used in rural areas. Most villages consist of only one parish [роман Адама Торпа «Алвертон»: комментарии 2011: 16];

Squire - the most important gentleman in the village, usually the owner of lands in and around the village. The position was not official but the Squire had traditional privileges and duties [роман Адама Торпа «Алвертон»: комментарии 2011: 19];

Luther - Martin Luther (1483 - 1546); German theologian, professor, pastor and church reformer. It was Luther who began the Protestant Reformation in Europe. [роман Майкла Фрейна «Одержимый»: комментарии 2006: 36].

- именными словосочетаниями, представленными типовой структурой прилагательное + существительное:

the Holy Land - the Biblical lands of Israel; Nicholas is referring to the Crusades. [роман Барри Ансворта "Моралите": комментарии 2008: 39];

microwaveable poppadom - a poppadom is a very thin flat kind of Indian bread which needs to be reheated at the time of the meal. Farooq's scientist is trying to work out how they can be heated in the microwave oven. Most people in Britain have a microwave. [роман Себастьяна Фокса «Неделя в декабре»: комментарии 2012: 57];

white land - the rock under the soil is very white - the colour of the chalk you use for writing on blackboards. The soil above it is often an inch or two of whitish-grey crumbled earth dotted with flints which are very hard stones that can be chipped into useful tools. [роман Адама Торпа «Алвертон»: комментарии 2011: 38];

- именными словосочетаниями, представленными типовой структурой существительное + существительное:

widow's weeds — black mourning dress. [роман Иэна Макьюэна «Искупление»: комментарии 2007: 56];

A confidence trickster - someone who tricks and deceives other people by fraud - by persuading them that he is an honest man to be trusted. He has ingenious ways of cheating them. ... [роман Майкла Фрейна «Одержимый»: комментарии 2006: 49];

a pauper's shroud - A pauper is a destitute person, too poor to have a coffin, so he is wrapped in a cloth (a shroud). [роман Барри Анворта "Моралите": комментарии 2008: 38];

- предикативными словосочетаниями:

throwing a whitey - when skunk cannabis has this effect, the drug-taker goes very pale, hence 'whitey'. 'Throwing' in this sense means having some kind of fit or uncontrollable bodily reaction. [роман Себастьяна Фокса «Неделя в декабре»: комментарии 2012: 56];

roaring around like Mr. Toad in a hired car -Mr. Toad is a character in "The Wind in the Willows" (1908), a classic of children's literature by Kenneth Graham. Mr. Toad is a wonderful rogue who loves driving fast cars. If necessary he will steal them for the sheer joy of driving them. And of course he spends the time honking his horn. Cars were still exotic in 1908. [роман Майкла Фрейна «Одержимый»: комментарии 2006: 48];

looking like Shirley Temple- an American child film star. She was seven years old in 1935, and already famous. [роман Иэна Макьюэна «Искупление»: комментарии 2007: 57];

- предложениями:

I earn my living by hard graft. - (colloquial) by very hard work. [роман Джулии Дарлинг «Дочь таксиста»: комментарии 2010: 26];

She ran a hand along the few feet of personal history, her brief chronicle of taste. — She touched her dresses from the distant past to the present - a history of

her changing taste in clothes. [роман Иэна Макьюэна «Искупление»: комментарии 2007: 58];

I'm having a sleepover at Zoe's. - this is the current expression used by children and young adolescents meaning 'I have been invited to spend the night at my friend's house. (Oh, and her parents know and we will do our homework.)' When 'sleepovers' begin to be used as an excuse for not coming home very often, or when the parents do not know about the guest, teenage troubles start. Before that, a 'sleepover' is an exciting privilege. [роман Себастьяна Фокса «Неделя в декабре»: комментарии 2012: 46];

- аббревиатурами:

the M25 - the road number for the London ring-road. M because it is a motorway, 25 because it was not the first motorway to be built. Havering-atte-Bower (a real place) is on the very edge of London, close to the M25 [роман Себастьяна Фокса «Неделя в декабре»: комментарии 2012: 48];

RVI- Royal Victoria Infirmary (the main hospital). [Faulks / Хьюитт 2010: 208].

Часто к пояснению объекта комментатор добавляет общепринятые сокращения для того, чтобы обозначить стилистическую маркированность лексики, сферу употребления, источник заимствования (colloq., dialect, fig., и т. д.). Подобные пометы являются прямым указанием на то, что данная лексическая единица относится к периферийной зоне словаря, и, следовательно, есть вероятность, что она будет представлять риск возникновения коммуникативного сбоя при понимании текста реципиентом.

Целесообразным представляется проанализировать связи и зависимость элементов поясняемого объекта и пояснения в синтагматическом отношении.

Синтагматическая связь комментируемого объекта и пояснения может быть представлена следующими видами отношений:

1. Лексическая единица – синонимичная лексическая единица.

В данном случае лексическая единица, являющаяся возможной лакуной для реципиента, объясняется при помощи эквивалентной ей единицы. Следует отметить, что пояснение заключается в предоставлении нейтральной, стилистически немаркированной, общеупотребительной лексической единицы. Следующие примеры наглядно демонстрируют такой тип отношений между поясняемым объектом и пояснением:

kirtle – *skirt* [роман Барри Ансворта "Моралите": комментарии 2008: 40];

caitiff – an obsolete word meaning “villain” [роман Барри Ансворта "Моралите": комментарии 2008: 43];

whingeing - complaining [Barnes / Хьюитт 1994: 233];

dominion – rule, authority [роман Иэна Макьюэна «Искупление»: комментарии 2007: 34].

2. Лексическая единица – синонимичное словосочетание.

В этом типе отношений при толковании лексической единицы, представляющей возможную лакуну, комментатор обращается к словосочетанию, в состав которого входят две или более лексических единиц, расшифровывающих значение поясняемого объекта. Пояснение содержит, как и в предыдущем типе отношений, лексические единицы, которые являются нейтральными и общеупотребительными:

dolt – slow-witted or stupid person [роман Иэна Макьюэна «Искупление»: комментарии 2007: 73];

Biro – ballpoint pen [Barnes / Хьюитт 1994: 254];

squeamish – too fastidious about dirt and about natural human functions [Barnes / Хьюитт 1994: 225].

3. Словосочетание – словосочетание.

В данном случае значение комментируемого словосочетания передается эквивалентным словосочетанием, которое предоставляет информацию толковательного плана, устраняет возможную многозначность и относится к нейтральной лексике:

hit the roof – was overcome with sudden rage [Barnes / Хьюитт 1994: 224];

in widow's weeds — in black mourning dress [роман Иэна Макьюэна «Искупление»: комментарии 2007: 57];

half a hundredweight - about 22 kilograms [Unsworth / Хьюитт 1995: 39];

you have to put your foot down — you have to assert your authority. [Darling / Хьюитт 2010: 17].

4. Словосочетание – лексическая единица.

В данном типе отношений значение комментируемого понятия, выраженного словосочетанием, передается лексической единицей, что подразумевает его конкретизацию:

local firewater – “samogon” [Barnes / Хьюитт 1994: 229];

whose name began with J – Japhet [Barnes / Хьюитт 1994: 221].

5. Лексическая единица/словосочетание – орфографически или грамматически правильный вариант.

Комментатор проясняет возможные неясности в расшифровке некоторых выражений путем приведения орфографической или грамматической нормы:

then the other two Violet what's in those look at his face spasms all over his face or is it the firelight ... - Then I'm throwing the other two cases on the fire.

'Violet, what's in those?' cries Herbert. Look at his face, spasms all over his face - or is it the firelight? [роман Адама Торпа «Алвертон»: комментарии 2011: 86];

innit? – isn't it? [Thorpe / Хьюитт 2011:32];

mebbes – dialect: maybe [Darling / Хьюитт 2010: 11].

6. Аббревиатура – полный вариант сокращения.

В данном случае путем приведения полного варианта сокращения элиминируется возможный коммуникативный сбой, возникающий на лексико-фразеологическом уровне из-за лакуны, которую представляет аббревиированная форма. Комментатор может ограничиться только расшифровкой аббревиатуры, либо привести дополнительную информацию толковательного плана:

shd (abbr.) – should [Thorpe / Хьюитт 2011:56];

MoD – Ministry of Defence [роман Дэвида Лоджа «Хорошая работа»: комментарии 2006: 38];

VAT- value added tax. An indirect tax, charged on both goods and services, as a percentage of the selling price [роман Майкла Фрейна «Одержимый»: комментарии 2006: 29].

7. Предложение – предложение.

Описываемый вид отношений встречается в тех случаях, когда значение предложения затруднительно восстановить исходя из значений его составных элементов. В данной подгруппе нами было отмечено значительное количество поговорок, пословиц и фразеологизмов, что вполне закономерно, так как передача их значений требует семантически эквивалентного инварианта, который перефразирует переносное значение:

You like putting all your eggs in one basket. - you like investing all your hopes in one person or event. [роман Иэна Макьюэна «Искупление»: комментарии 2007: 31];

I made up my mind to force him out into the open. - I decided to make him talk frankly, openly. [роман Иэна Макьюэна «Искупление»: комментарии 2007: 27];

He said if he wanted a bit on the side then it wouldn't be because of the world situation but because I was on his back all the time. - He said that if he decided to go out with other girls, it would not be because he was tense about the world situation, but because I was always nagging him about nuclear explosions, and not giving him any peace, (to 'be on someone's back' - cling to someone emotionally, and not leave him alone.) [роман Джулиана Барнза «История мира в 10½ главах»: комментарии 2007: 37].

8. Лексическая единица/словосочетание – предложение.

Между поясняемым объектом и пояснением наблюдается развертывание информации в данном типе отношений:

Monument - the name of a London underground station. [роман Себастьяна Фокса «Неделя в декабре»: комментарии 2012: 33];

greatcoat - a heavy overcoat, not suitable for June in France, but standard uniform for colder weather [роман Иэна Макьюэна «Искупление»: комментарии 2007: 31];

Tommy of the Great War – ordinary soldiers in the First World War were affectionately known as ‘Tommys’ [роман Себастьяна Фокса «Неделя в декабре»: комментарии 2012: 65].

9. Лексическая единица/словосочетание – текст.

Настоящий тип отношений, в целом, аналогичен предыдущей подгруппе, с той лишь разницей, что информация толковательного плана здесь представлена более подробно. Необходимо также отметить, что очень часто пояснение в данной подгруппе дополнено детальной информацией сюжетно-экспликационного плана:

trestle - A table made of boards without integral legs. The legs can be improvised. This is a poor house. [роман Адама Торпа «Алвертон»: комментарии 2011: 25];

He was in his GCSE year. - English pupils take a national examination in several subjects when they are 16, the 'General Certificate of Secondary Education'. The results of these exams will affect what happens to their future education, so Finbar should be working hard - but he is not [роман Себастьяна Фокса «Неделя в декабре»: комментарии 2012: 46];

the quiet roads of housing estates — housing estates are groups of buildings built as a single development. Because of the way they are planned, there are no through roads in them, so Louise could learn to drive away from the rush of busy traffic [роман Джулии Дарлинг «Дочь таксиста»: комментарии 2010: 38].

Следующим этапом нашего анализа является установление закономерности в характере связи поясняемого объекта и пояснения, представляющих единицы формального и концептуально-содержательного аспектов. Для достижения данной цели нами было исследовано по 100 единиц каждого из аспектов лингвистических гипертекстов, составленных к художественным текстам различной сложности и адресованности. Результаты анализа приведены в следующей таблице (табл. № 2):

Таблица 2

Типы синтагматических отношений	Количество единиц формального аспекта	Количество единиц концептуально-содержательного аспекта
ЛЕ – синонимичная ЛЕ	19	1
ЛЕ – синонимичное словосочетание	9	9
Словосочетание – словосочетание	23	8
Словосочетание – ЛЕ	4	-
ЛЕ/словосочетание – орфографически или грамматически правильный вариант	2	-
Аббревиатура – полный вариант сокращения	7	5
Предложение – предложение	8	23
ЛЕ/словосочетание – предложение	15	16
ЛЕ/словосочетание – текст	13	38

Как видно из приведенной таблицы, частота (распространенность) того или иного типа синтагматических отношений варьируется для единиц формального и концептуально-содержательного аспектов. Для единиц формального аспекта наиболее характерным является тип словосочетание::словосочетание (23% от общего количества) и лексическая единица::синонимичная лексическая единица (19% от общего количества). Можно сделать вывод о том, что при толковании единиц такой тип отношений наиболее приемлем, т. к. для дешифровки единиц, провоцирующих языковые расхождения коммуникантов, в большинстве случаев достаточно перифраза или дефиниции.

Проанализировав типы отношений между поясняемым объектом и пояснением единиц концептуально-содержательного аспекта, отмечаем типы лексическая единица/словосочетание::текст и предложение::предложение как наиболее распространенные. Данный вывод представляется вполне закономерным, т. к. единицы культурологического, литературоведческого и сюжетно-экспликационного планов требуют расширения значения и подробных толкований не только справочного характера, но и зачастую комментария относительно стиля автора и сюжетных линий произведения.

Таким образом, синтагматические отношения между статьями комментария подразумевают генерализацию, специализацию или эквивалентность значения комментируемой единицы:

1. Эквивалентность значения:

must have passed out - *must have lost consciousness* [роман Джулиана Барнза «История мира в 10½ главах»: комментарии 2007: 46];

That would crack him up, time and again. - *that joke made him burst out laughing* [роман Джулиана Барнза «История мира в 10½ главах»: комментарии 2007: 42];

caught the sun a little - *become a little sunburnt* [роман Джулиана Барнза «История мира в 10½ главах»: комментарии 2007: 45];

Too dressy to have its first outing at home - *too formal to wear for the first time at home.* [роман Иэна Макьюэна «Искупление»: комментарии 2007: 57];

Как видно из приведенных примеров, лексическая единица, представляющая сложность для понимания, заменяется субститутом (синонимичным словом или выражением), которое является более употребительным. Таким образом, происходит заполнение лакуны в тезаурусе адресата. Как правило, такие отношения между поясняемым объектом и пояснением наблюдаются при комментировании сленговых

выражений, фразеологических оборотов, идиом, слов с низкой частотностью употребления, стилистически маркированных слов и т. д.

2. Импликация (специализация) значения:

broody – behaving like a girl in the process of growing up [Trevor / Хьюитт 1994: 220];

throwing a whitey - when skunk cannabis has this effect, the drug-taker goes very pale, hence ‘whitey’. ‘Throwing’ in this sense means having some kind of fit or uncontrollable bodily reaction. [роман Себастьяна Фокса «Неделя в декабре»: комментарии 2012: 56];

breaks – lucky chances [Weldon / Хьюитт 1994: 229].

В представленных примерах значение комментируемого понятия сужается, конкретизируется, т. е. смысловая структура элементов пояснения включена в концептуальную структуру поясняемого объекта.

3. Экспликация (генерализация) значения:

marina - a special small harbour for pleasure boats and yachts. [роман Иэна Макьюэна «Искупление»: комментарии 2007: 31];

Camden Town Hall - The town hall of a district of London. Civil weddings (those not held in church) are performed at registry offices which are often situated in the Town Hall. [роман Майкла Фрейна «Одержимый»: комментарии 2006: 32];

braces from the Oxfam shop - Oxfam is a charity which raises money to help poor people all over the world. It has its headquarters in Oxford. Charity shops are shops to which individuals donate second-hand items which are then sold cheaply to make small but (overall) significant funds for the charity. [роман Себастьяна Фокса «Неделя в декабре»: комментарии 2012: 60];

Pentel – a brand of fine ball – point pen [Moggach / Хьюитт 1994: 225].

Характерной особенностью данного типа семантических отношений является расширение понятия, генерализация. Концептуальная структура пояснения содержит некоторые дополнительные характеристики, отсутствующие в концептуальной структуре поясняемого объекта.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

В отличие от текста, гипертекст представляет нелинейно организованный объем поликодовой и политематической информации, обладающий текстовыми характеристиками, структурными и функциональными особенностями, интегрирующий непересекающиеся информационные ресурсы, между которыми могут быть установлены ссылки. Гипертекст, функционирующий в рамках печатного издания художественного текста, рассматривается нами как лингвистический гипертекст, т. е. нелинейно организованный объем политематической информации толковательного плана, вынесенный за рамки основного содержания текста в виде блоков, которые могут быть связаны между собой при помощи ссылок.

Основными функциями гипертекста являются сокращение гносеологического расстояния между коммуникантами, согласование тезаурусов адресата и адресанта и вербализация информации, имплицитно заложенной в тексте. Левая часть комментария, т. е. то, что комментируется, определяет тезаурус адресата, а правая часть, т. е. толковательная информация, представляет инструмент заполнения лакун в тезаурусе адресата.

Мы предположили наличие формального и концептуально-содержательного аспектов единиц комментария с целью проанализировать зависимость совокупного смысла текста от данных контекстов.

К формальному аспекту относятся единицы таких уровней, как фонологический, грамматический, лексико-фразеологический, стилистический. Реципиент всегда ограничен определенными языковыми рамками, и, прежде чем понимать глубинные смыслы, необходимо расшифровать языковой код. Следовательно, присутствие в комментарии единиц формального аспекта неотъемлемо. Следует отметить, что границы

отнесения единиц комментария к определенному уровню носят условный характер, т. к. на уровне текста аккумулируются все средства языка.

Концептуально-содержательный аспект подразумевает наличие в комментарии единиц культурологического, литературоведческого и сюжетно-экспликационного планов. Единицы комментария, относимые к культурологической группе, предполагают наличие у реципиента лакун, связанных с разностью культурных картин мира адресанта и адресата. По нашему мнению, именно различие культур, а не языков, является основной причиной коммуникативных сбоев при прочтении художественного текста. Единицы литературоведческого плана представлены языковыми проявлениями интертекстуальности. Единицы сюжетно-экспликационного плана служат для более полного и глубокого понимания сюжетной линии художественного текста читателем.

Подобный анализ подтверждает гипотезу о том, что лингвистический гипертекст является средством нейтрализации коммуникативных сбоев, вызванных языковыми расхождениями коммуникантов, и коммуникативных сбоев на межкультурном уровне, спровоцированных расхождениями тезаурусов и картин мира продуцента и реципиента.

Количественные показатели отнесения единиц к формальному или концептуально-содержательному аспекту показывают, что наиболее представленными являются единицы культурологического плана и сюжетно-экспликационного планов концептуально-содержательного аспекта и единицы лексико-фразеологического уровня формального аспекта. Данный результат свидетельствует о том, что вышеназванные уровни являются наиболее подверженными возникновению коммуникативных сбоев при восприятии текста реципиентом.

Наиболее распространенными являются поясняемые объекты, выраженные: существительными; именными словосочетаниями,

выраженными типовой структурой прилагательное + существительное; именными словосочетаниями, выраженными типовой структурой существительное + существительное; предикативными словосочетаниями; предложениями. Синтагматическая связь поясняемого объекта и пояснения может быть выражена следующими видами отношений: ЛЕ (лексическая единица) – синонимическая ЛЕ; ЛЕ – синонимичное словосочетание; словосочетание – словосочетание; словосочетание – ЛЕ; ЛЕ/словосочетание – орфографически или грамматически правильный вариант; аббревиатура – полный вариант сокращения; предложение – предложение; ЛЕ/словосочетание – предложение; ЛЕ – словосочетание/текст. Синтагматические отношения между статьями комментария подразумевают генерализацию, специализацию или эквивалентность значения комментируемой единицы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Иноязычный художественный текст является важным элементом межкультурной коммуникации, успешность которой определяется эффективностью взаимопонимания в системе автор – читатель.

Понимание требует согласования тезаурусов коммуникантов. Принадлежность к разным лингвокультурам результативуется в разности тезаурусов и объемов фоновых знаний. То, что не является в тексте общепонятным, связано либо с эпохой, либо с национальной спецификой коннотаций и ассоциативных связей лексических единиц. Основная причина непонимания кроется в разности национальных сознаний адресанта и адресата. В случае лингвокультурных и языковых расхождений адресата и адресанта процесс понимания осложняется появлением лакун в тезаурусе адресата, что приводит к коммуникативным сбоям на различных уровнях речевого произведения.

Мы определяем коммуникативный сбой, возникающий в процессе межкультурной коммуникации, опосредованной художественным текстом, как частичное или неполное понимание реципиентом авторской интенции, пресуппозиций автора и интертекстуальных включений.

Коммуникативные сбои, возникающие в процессе чтения текста, как частичное или неполное понимание реципиентом авторской интенции, пресуппозиций автора и интертекстуальных включений, имеют лингвистические и экстралингвистические причины. К лингвистическим причинам относятся: языковая компетенция реципиента, т. е. объем и характер тезауруса и фоновых знаний, степень владения языковым кодом; понятность текста, которая проявляется в степени семантической напряженности текста (сложность/простота композиционно-синтаксической структуры, степень выраженности имплицитно заложенных смыслов, референтная многозначность/однозначность лексических единиц,

насыщенность текста иноязычными вкраплениями, сокращениями, именами собственными, лингвокультурными реалиями). Экстралингвистические причины подразумевают расхождения в картинах мира коммуникантов, т. е. разность социального опыта, пространственную и временную отдаленность, принадлежность разным лингвокультурам). Полнота понимания текста определяется количеством уровней, обеспечивающих элиминирование коммуникативных сбоев, вызванных лакунами в тезаурусе адресата.

Лингвистический гипертекст, как нелинейно организованный объем политематической информации толковательного плана, вынесенный за рамки основного содержания текста в виде блоков, которые могут быть связаны между собой при помощи ссылок, рассматривается как средство преодоления коммуникативных сбоев лингвистического и экстралингвистического характера. Лингвистический гипертекст способствует сближению картин мира продуцента и реципиента, устраняя множественность интерпретаций. В качестве лингвистического гипертекста мы рассматриваем затекстовые комментарии к англоязычным художественным текстам.

Необходимость учета лингвистического и экстралингвистического контекстов для успешного понимания текста обосновывает нашу гипотезу о наличии формального и концептуально-содержательного аспектов лингвистического гипертекста. Единицы формального аспекта направлены на элиминирование лакун, вызванных языковыми расхождениями адресата и адресанта. Подобные расхождения могут провоцировать коммуникативные сбои на фонологическом, грамматическом, лексико-фразеологическом и стилистическом уровнях текста. Концептуально-содержательный аспект представлен единицами культурологического, литературоведческого и сюжетно-экспликационного планов, призванными нейтрализовать коммуникативные сбои, причиной которых являются лакуны, связанные с несовпадением культурных картин мира коммуникантов.

На основе проведенного анализа можно выделить уровни и аспекты текста, наиболее подверженные возникновению коммуникативных сбоях при восприятии текста реципиентом, а именно культурологический и сюжетно-экспликационный планы и единицы лексико-фразеологического уровня.

Способ элиминирования лакун определяется синтагматическими отношениями между поясняемым объектом и пояснением, подразумевающими генерализацию, специализацию или эквивалентность значения комментируемой единицы.

Многоаспектность проблемы понимания художественной литературы заслуживает внимания многих исследователей. Множественность интерпретаций текста и возможность возникновения коммуникативных сбоях в процессе его восприятия неизбежны, но неоднозначность понимания текста является не недостатком, а стартовой площадкой для новых прочтений и интерпретаций речевых произведений. Такие проблемы, как анализ коммуникативных сбоях в процессе межкультурной художественной коммуникации, гипертекстовое пространство, специфика гипертекста как когнитивно-коммуникативной единицы и новые формы авторской и читательской деятельности, вызванные изменениями в представлении информации, заслуживают дальнейшего изучения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Амосова, Н. Н. Английская контекстология [Текст] / Н. Н. Амосова – Ленинград : Б. и., 1968. – 105 с.
2. Апресян, Ю. Д. Значение и оттенок значения [Текст] / Ю. Д. Апресян // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – Москва, 1974. – Т. XXXII, вып. 4. – С. 320-330.
3. Арнольд, И. В. Проблемы диалогизма, интертекстуальности и герменевтики (в интерпретации художественного текста) [Текст] : лекции к спецкурсу / И. В. Арнольд. – Санкт-Петербург : Образование, 1997. – 159 с.
4. Арнольд, И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность [Текст] : сб. ст. / И. В. Арнольд; науч. ред. П. Е. Бухаркин. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 1999. – 444 с.
5. Арнольд, И. В. Стилистика декодирования [Текст] / И. В. Арнольд. – Ленинград : Изд-во ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1974. – 76 с.
6. Барст, О. В. Структурно-семантические особенности организации гипертекстового нарратива (на материале гиперромана М. Джойса «Twelve Blue») [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Барст Ольга Владимировна; РГПУ им. А. И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2005. – 182 с.
7. Барт, Р. S/Z. [Текст] : пер. с фр. / Р. Барт; под ред. Г. К. Косикова. – 2-е изд., испр. – Москва : Эдиториал УРСС, 2001. – 232 с. 17. Бахтин, М. Проблемы поэтики Достоевского [Текст] / М. Бахтин. – 5-е изд., доп. – Киев, НЕХТ, 1994. – 508 с. 18. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров [Текст] / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – Москва, 1979. – С. 237-280.
8. Белянин, В. П. Психолингвистические аспекты художественного текста [Текст] / В. П. Белянин. – Москва : Изд-во МГУ, 1988. – 121 с.

9. Бенвенист, Э. Общая лингвистика [Текст] / Э. Бенвенист. – Благовещенск : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртонэ, 1998. – 360 с.
10. Блох, М. Я. Теоретические основы грамматики [Текст] / М. Я. Блох. – 4-е изд., испр. – Москва : Высш. шк., 2005. – 239 с. 24. Богин, Г. И. Обретение способности понимать : введение в филологическую герменевтику [Текст] / Г. И. Богин. – Москва : Психология и Бизнес ОнЛайн, 2001. – 516 с.
11. Борисова, Е. Б. Лингвопоэтический анализ художественного текста: история, методология и методика исследования [Текст] / Е. Б. Борисова // Проблемы истории, филологии и культуры. – Магнитогорск: МГТУ им. Г.И. Носова. – 2008. – Вып. 22. – С. 470-476.
12. Борисова, Е. Б., Кулинич М. А. Интертекстуальность англоязычного поэтического заголовка и проблема перевода // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. – Нижний Новгород: Изд-во НГЛУ, 2011. – Вып. 6. – С. 64-73.
13. Борисова, Е.Б., Стройков, С.А. Использование электронного гипертекста при сопоставительном лингвопоэтическом анализе художественного произведения [Текст] // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Т. 12. – № 3 (35). – Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2010. – С. 146-150.
14. Валгина, Н. С. Теория текста [Текст] : учеб. пособие / Н. С. Валгина. – Москва : Логос, 2003. – 173 с.
15. Визель, М. Гипертексты по ту и эту сторону экрана [Электронный ресурс] / М. Визель // Иностранная литература. – 1999. – № 10. – Режим доступа : <http://www.netslova.ru/viesel/visel-ht.html>
16. Визель, М. Поздние романы Итало Кальвино как образцы гипертекста [Электронный ресурс] / М. Визель. – Режим доступа :

http://spintongues.vladivostok.com/calvino.html#_Точ431103381 39. Воробьева, О. П. Лингвистические аспекты адресованности художественного текста : (одноязычная и межъязыковая коммуникация) [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук / Воробьева Ольга Петровна. – Москва, 1993. – 382 с.

17. Гальперин, И. Р. Относительно употребления терминов «значение», «смысл», «содержание» в лингвистических работах [Текст] / И. Р. Гальперин // Филологические науки. – 1982. – № 5. – С. 34-43.

18. Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка [Текст] / И. Р. Гальперин. – Москва : Наука, 1958. – 340 с.

19. Городецкий, Б. Ю. К типологии коммуникативных неудач [Текст] / Б. Ю. Городецкий, И. М. Кобозева, И. Г. Сабурова // Диалоговое взаимодействие и представление знаний. – Новосибирск, 1985. – С. 64-78.

20. Давыдова, К. В. Гипертекстуальность как свойство художественного текста [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Давыдова Кира Валерьевна. – Армавир, 2006. – 205 с.

21. Дедова, О. В. Лингвосомиотический анализ электронного гипертекста (на материале русскоязычного Интернета) [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Дедова Ольга Викторовна. – Москва, 2006. – 52 с.

22. Дедова, О. В. Лингвистическая концепция гипертекста: основные понятия и терминологическая парадигма [Текст] / О. В. Дедова // Вестник МГУ. Сер. 9, Филология. – 2001. – № 4. – С. 22-36.

23. Дедова, О. В. О гипертекстах: книжных или электронных [Текст] / О. В. Дедова // Вестник МГУ. Сер. 9, Филология. – 2003. – № 3. – С. 115-130.

24. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация [Текст] / Т. А. ван Дейк. – Благовещенск : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с. 52.

Деррида, Ж. О грамматологии [Текст] / Ж. Деррида; пер. с фр. и вступ. ст. Наталии Автономовой – Москва : AD Marginem, 2000. – 512 с.

25. Дридзе, Т. М. Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семиосоциопсихологии [Текст] / Т. М. Дридзе // Общественные науки и современность. – 1996. – № 3. – С. 145-152.

26. Есин, А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения [Текст] / А. Б. Есин. – 3-е изд. – Москва: Флинта; Наука, 2000. – 248 с. 60. Жинкин, Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи [Текст] / Н. И. Жинкин // Вопросы языкознания. – 1964. – № 6. – С. 26-38.

27. Залевская, А. А. Текст и его понимание [Текст] / А. А. Залевская. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2001. – 177 с.

28. Залевская, А. А. Текст как психолингвистическая реальность [Текст] / А. А. Залевская. – Москва : Просвещение, 1988. – 320 с.

29. Зимняя, И. А. Смысловое восприятие речевого сообщения [Текст] / И. А. Зимняя // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). – Москва, 1976. – С. 9-21.

30. Зыкова, Е. В. Организация гипертекста в сети Интернет (на материале англоязычных сайтов) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Зыкова Елена Владимировна. – Санкт-Петербург, 2006. – 19 с. 74. Иванищева, О. Н. Язык и культура [Текст] : учеб. пособие / О. Н. Иванищева. – Мурманск : МГПУ, 2007. – 191 с.

31. Иванова, М. А. Прагмалингвистический статус неуспешного диалогического дискурса [Текст] : дис. ... канд. фил. наук: 10.02.19 / Иванова Марина Алексеевна. – Иркутск, 2007. – 157 с.

32. Колшанский, Г. В. Объективная картина мира в познании и языке [Текст] / Г. В. Колшанский; отв. ред. А. М. Шахнарович; АН СССР, Ин-т языкознания. – Москва : Наука, 1990. – 103 с.
33. Колшанский, Г. В. Коммуникативная функция и структура языка [Текст] / Г. В. Колшанский. – Москва : Наука, 1984. – 175 с.
34. Колшанский, Г. В. О природе контекста [Текст] / Г. В. Колшанский // Вопросы языкознания. – 1959. – № 4. – С. 47-53.
35. Колшанский, Г. В. О языковом механизме порождения текста [Текст] / Г. В. Колшанский // Вопросы языкознания. – 1983. – № 3. – С. 44-51.
36. Кубрякова, Е. С. Текст – проблемы понимания и интерпретации [Текст] / Е. С. Кубрякова // Семантика целого текста. – Москва : 1987. – С. 93-104.
37. Кун, Т. Структура научных революций [Текст] / Т. Кун; пер. с англ. И. З. Налетова. – Москва : АСТ, 2009. – 311 с.
38. Купер, И. Р. Гипертекст как способ коммуникации [Электронный ресурс] / И. Р. Купер. – Режим доступа : <http://www.nir.ru/sj/sj/sj1-2-00kuper.html>
39. Кухаренко, В. А. Интерпретация текста [Текст] / В. А. Кухаренко. – Ленинград : Просвещение, 1979. – 327 с.
40. Лазуткина, Е. М. Коммуникативные цели, речевые стратегии, тактики и приемы [Текст] / Е. М. Лазуткина // Культура русской речи : учеб. для вузов. – Москва, 1998. – С. 50-79.
41. Леонтьев, А. А. Внутренняя речь и процессы грамматического порождения речевого высказывания [Текст] / А. А. Леонтьев // Вопросы порождения речи и обучения языку. – Москва, 1967. – С. 6-16.

42. Леонтьев, А. А. Общение как объект психолингвистических исследований [Текст] / А. А. Леонтьев // Методологические проблемы социальной психологии. – Москва, 1983. – С. 5-20.
43. Леонтьев, А. А. Понятие текста в современной лингвистике и психологии [Текст] / А. А. Леонтьев // Психологическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия. – Москва, 1979. – С. 14-50.
44. Леонтьев, А. А. Признаки связности и цельности текста [Текст] / А. А. Леонтьев // Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореца. – Москва, 1976. – Вып. 103. – С. 60-70.
45. Лотман, Ю. М. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» [Электронный ресурс] / Ю. М. Лотман. – Ленинград : Просвещение, 1980. – Режим доступа : <http://litfile.net/web/146316/134894-136118>
46. Лотман, Ю. Пушкин. Биография писателя. Статьи и заметки [Электронный ресурс] / Ю. Лотман. – Режим доступа : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/Lotm_Pusch/index.php
47. Малаховский, Л. В. Принципы частотной стратификации словарного состава языка [Текст] / Л. В. Малаховский // Статистика речи и автоматический анализ текста. – Ленинград, 1980. – С. 99-105.
48. Мартынова, Е. М. Типология явлений коммуникативного дискомфорта в ситуациях диалога [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Мартынова Елена Михайловна. – Орел, 2000. – 229 с.
49. Масалова, М. В. Гипертекстуальность как имманентная текстовая характеристика [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Масалова Мария Валерьевна. – Ульяновск, 2003. – 123 с.

50. Минеева Мария Владимировна «Лингвистический гипертекст как средство преодоления коммуникативных сбоев при понимании англоязычных художественных текстов» - Челябинск, 2015. – 208 с.

51. Прохоров, Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в межкультурной коммуникации [Текст] / Ю. Е. Прохоров // Функциональные исследования : сб. ст. по лингвистике. – Москва, 1997. – Вып. 4. – С. 5-21. 133. Рейсер С. А. Палеография и текстология нового времени [Текст] / С. А. Рейсер. – Москва : Просвещение, 1970. – 335 с.

52. Сахарный, Л. В. Текст. Мозг. Образ мира [Текст] / Л. В. Сахарный // XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. – Москва, 1997. – С. 140-141.

53. Стройков, С. А. Основные понятия лингвистической концепции электронного лексикографического гипертекста [Текст] / С. А. Стройков // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Самара, 2010. – Т. 12, № 5 (3). – С. 808-811. 142. Субботин, М. М. Гипертекст. Новая форма письменной коммуникации [Текст] / М. М. Субботин // Итоги науки и техники. Серия : Информатика. – Москва, 1994. – Т. 18. – 158 с.

54. Тарасов, Е. Ф. Языковое сознание и образ мира [Текст] / Е. Ф. Тарасов // XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. – Москва, 1997. – С. 3-10.

55. Текст как явление культуры [Текст] / Антипов Г. А., Донских О. А., Марковина И. Ю., Сорокин Ю. А. – Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1989. – 197 с.

56. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация [Текст] / С. Г. Тер-Минасова. – Москва : Слово, 2000. – 261 с.

57. Томашевский, Б. Теория литературы [Текст] : учеб. пособие / Б. Томашевский. – Москва : Аспект-Пресс, 2002. – 303 с. 151. Тороп, П. Х. Проблема интертекста [Текст] / П. Х. Тороп // Ученые записки Тартуского государственного университета. Т. 14, вып. 567 : Труды по знаковым системам. Текст в тексте. – Тарту, 1981. – С. 33-44.

58. Уорф, Б. Л. Наука и языкознание [Текст] / Б. Л. Уорф // Новое в лингвистике. – Москва, 1960. – Вып. 1. – С. 169-182.

59. Ушакова, Т. Н. Языковое сознание и принципы его исследования [Текст] / Т. Н. Ушакова // Языковое сознание и образ мира : сб. ст. – Москва, 2000. – С. 13-23. 155. Фатеева, Н. А. Интертекст в мире текстов: контрапункт интертекстуальности [Текст] / Н. А. Фатеева. – Москва : Кн. дом "ЛИБРОКОМ", 2012. – 280 с. 156. Филиппов, В. С. Текст: на все четыре стороны [Текст] / В.С. Филиппов // Чествуя филолога (К 75-летию Ф. А. Литвина). – Орел, 2002. – С. 66-74.

60. Фуко, М. Что такое автор? [Текст] / М. Фуко // Воля в истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. – Москва, 1996. – С. 7-46.

61. Шахнарович, А. М. Языковая личность и языковая способность [Текст] / А. М. Шахнарович // Язык - система. Язык - текст. Язык - способность. – Москва, 1995. – С. 213-223. 164. Шеина, И. М. Межкультурная коммуникация как проявление лингвистического и культурного опыта [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Шеина Ирина Михайловна. – Москва, 2010. – 50 с.

62. Шехтман, Н. А. Концептуальная структура слова и контекст [Текст] / Н. А. Шехтман // Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака : межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж, 1983. – С. 5-10.

63. Шехтман, Н. А. Понимание речевого произведения и гипертекст [Текст] : монография / Н. А. Шехтман. – Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2005. – 168 с.
64. Шехтман, Н. А. Семантическая редупликация и проблема тезауруса [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук / Шехтман Нахим Абрамович. – Ленинград, 1977. – 324 с.
65. Шехтман, Н. А. Системность лексики и семантика слова [Текст] : учеб. пособие к спецкурсу / Н. А. Шехтман; науч. ред. М. А. Кулинич; Куйбышев. гос. пед. ин-т им. В. В. Куйбышева. – Куйбышев : Куйбышев. гос. пед. ин-т, 1988. – 84 с.
66. Шехтман, Н. А. Эволюция парадигм и предоставление информации в гипертексте [Текст] / Н. А. Шехтман // Гипертекст как объект лингвистического исследования. – Самара, 2013. – С. 157-163.
67. Bush, W. As we may think [Электронный ресурс] / W. Bush. – Режим доступа : http://www.isg.sfu.ca/uchier/misc/hypertext_review/index.html 183.
Engelbart, D. The augmented knowledge: Workshop [Текст] // Computer Networking / D. Engelbart., R. Watson; ed. by R. Blanc, I. Cotton. – New York, 1976. – P. 9-21.

Список словарей и энциклопедий

1. The Teacher's Word Book of 30,000 Words [Text] / by E. L. Thorndike, I. Lorge. – N.Y. : Teachers' College, Columbia University, 1959. – 274 p.
2. Hornby, A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary [Text] / A.S. Hornby. – Oxford University Press, 2010. – 1796 p.
3. Языкознание [Текст] : Большой энцикл. сл. / ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – Москва, Большая Рос. энцикл, 1998. – 685 с.

4. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – Москва : Большая Рос. энцикл., 2002. – 709 с.
5. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / сост. : Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. – Москва : Филол. фак-т МГУ, 1996. – 245 с. 6. Руднев, В. П. Словарь культуры XX века [Текст] / В. П. Руднев. – Москва : Аграф, 1997. – 381 с.
7. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов [Электронный ресурс] / Т. В. Жеребило. – Режим доступа : http://lingvistics_dictionary.academic.ru/
8. Большой толковый словарь русского языка: (А-Я) / Рос. акад. наук; Ин-т лингвист. исслед.; (Авт. и рук. проекта, сост., гл. ред. С.А.Кузнецов). – СПб.: Норинт, 1986. – 1534 с.
9. Новый Большой англо-русский словарь [Текст] / под ред. Ю. Д. Апресяна. – Москва : Рус. яз., 2002. – 2496 с.
10. Полный англо-русский словарь [Текст] / под ред. В. К. Мюллера, Н. Шевченко. – Москва : АСТ, 2010. – 1536 с.
11. Ожегов, С. И. Словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов; под ред. Н. Ю. Шведовой. – Изд. 9-е, испр. и доп. – Москва : Сов. энцикл., 1972. – 847 с.
12. Алехин, Л. Словарь иностранных слов [Текст] / Л. Алехин. – Москва : Рус. яз., 1988. – 606 с.
13. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов (Текст) / Л. П. Крысин. – М., 2005

Список художественных текстов и комментариев к ним

1. Thorpe, A. Ulverton: [Text] / Adam Thorpe Vintage Classics, 2013 - Great Britain - 400 p.

2. McEwan I. Atonement [Text] / Ian McEwan Penguin Books, Limited, 2004 - Great Britain - 384 p.
3. Unsworth, B. Morality Play [Text] / Barry Unsworth Penguin Books, Limited, 2004 - Great Britain - 192 p.
4. Frayn, M. Headlong [Text] / Michael Frayn, Metropolitan Books 342p.
5. Darling, J. The Taxi Driver's Daughter / Julia Darling - Penguin Books, 2004 - 272 p.
6. Faulks, S. A Week in December [Text] / Sebastian Faulks. – London : Vintage Books, 2010. – 392 p.
7. Barnes, J. A History of the World in 10 1/2 Chapters [Text] / Julian Barnes. – London : Vintage Books, 2004. – 375 p.
8. Lodge D. Nice Work [Text] / David Lodge Penguin Books, Limited, 2005 - Great Britain - 395 p.
9. Роман Майкла Фрейна «Одержимый»: комментарии / науч. ред. К. Хьюитт; [под общ. ред. Б. М. Проскурнина]. - Пермь : Пермский гос. ун-т, 2006 – 69 с.
10. Роман Иэна Макьюэна «Искушение»: комментарии / науч. ред. К. Хьюитт; [под общ. ред. Б. М. Проскурнина]. - Пермь : Пермский гос. ун-т, 2007– 98 с.
11. Роман Барри Ансворта "Моралите": комментарии / науч. ред. К. Хьюитт; [под общ. ред. Б. М. Проскурнина]. - Пермь : Пермский гос. ун-т, 2008 – 48 с.
12. Роман Адама Торпа "Алвертон" [Текст] : комментарии / науч. ред. К. Хьюитт; при участии Е. Шиловой, Ю. Вторушиной, Е. Мальневой, Н. Юзефович, А. Минка, О. Сулеймановой, Н. Беклемышевой, К. Кардановой, М. Фоминой, Ю. Карупкиной, Т. Бабак, Е. Поляковой, В. Волковой, В.

Симаковой и др.; под общ. ред. Б. Проскурнина; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2011. – 94 с.

13. Роман Джулиана Барнза «История мира в 10½ главах»: комментарии / науч. ред. К. Хьюитт; [под общ. ред. Б. М. Проскурнина]. - Пермь : Пермский гос. ун-т, 2007 – 85 с.

14. Роман Джулии Дарлинг "Дочь таксиста" = The Taxi driver's daughter by Julia Darling : комментарии / М-во образования и науки Российской Федерации, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования "Пермский гос. ун-т"; науч. ред. Карен Хьюитт ; [под общ. ред. Б. М. Проскурнина]. - Пермь : Пермский гос. ун-т, 2010. - 46 с.

15. Роман Себастьяна Фокса «Неделя в декабре» [Текст] : комментарии / науч. ред. К. Хьюитт; при участии Е. Шиловой, Ю. Вторушиной, Е. Мальневой, Н. Юзефович, А. Минка, О. Сулеймановой, Н. Беклемышевой, К. Кардановой, М. Фоминой, Ю. Карупкиной, Т. Бабак, Е. Поляковой, В. Волковой, В. Симаковой и др.; под общ. ред. Б. Проскурнина; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2012. – 75 с.

16. MacLaverty, V. Grace Notes [Text] / Bernard MacLaverty. – London : Vintage Books, 1998. – 277 p.

17. Роман Бернарда Маклаверти «Ноты Грейс» [Текст] : коммент. / науч. ред. К. Хьюитт; Ю. Вторушиной, Т. Жаковой, А. Журавлевой, Т. Зайцевой, А. Комовой, Н. Матвеевой, А. Минка, А. Обиходовой, А. Родичевой, Е. Розе, С. Савельевой, Н. Сергиенко, Т. Финаевой, Э. Чистоноговой, Н. Эйдельман и др.; под общ. ред. Б. Проскурнина; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2012. – 61 с.

18. Роман Дэвида Лоджа «Хорошая работа»: комментарии / науч. ред. К. Хьюитт; [под общ. ред. Б. М. Проскурнина]. - Пермь : Пермский гос. ун-т, 2006 – 52 с.

Методическое применение работы

При рассмотрении методической значимости нашего исследования, представляется целесообразным отметить важность чтения аутентичной художественной литературы при обучении чтению на английском языке и языку в целом.

Аутентичный художественный текст помогает учащимся вырабатывать важные навыки владения языком, способствуя развитию языковой и межкультурной компетенций.

Отечественные методисты видят в нем следующие достоинства:

1. Чтение художественной литературы позволяет отойти от стандартизированных учебных текстов и познакомить учащихся с современным «живым» языком [Пирогова 2014: 231].
2. Работа над художественным текстом позволяет развивать языковые навыки – лексические и грамматические. Позволяет преодолеть языковой барьер, давая учащемуся возможность выражать свое мнение о прочитанном, оценивая ситуации, героев, события. Таким образом, чтение художественного текста стимулирует речевую деятельность [Ермакова, Морозова 2016].
3. Чтение художественного произведения охватывает лингвострановедческий аспект – дает информацию о социальном, культурном, устройстве иноязычного общества, позволяет расширить общий кругозор учащихся и привить эстетический вкус [Пирогова 2014].

4. Чтение художественного текста формирует навыки самостоятельной работы – перерабатывать смысловую информацию, систематизировать и анализировать прочитанное, работать со словарем [Одинцова 2007].
5. Художественная литература является средством формирования вторичной языковой личности, которая «подразумевает способность человека общаться на иностранном языке, активно взаимодействовать с представителями иных культур, представлять свою культуру на международном уровне» [Пирогова 2014: 232].

Однако при чтении, особенно на иностранном языке, возникает необходимость в регулировании понимания и более полном проникновении в текст. Достижение адекватного понимания текста обеспечивается при обращении к затекстовому комментарию.

Обильное чтение дает возможность пропустить через сознание учащихся значительное количество языковых комбинаций — грамматических структур и лексических сочетаний, и многие задания на уроках, например, домашнего чтения можно связать с тем или иным грамматическим явлением. При этом затекстовые комментарии, в частности единицы, относимые к лексико-фразеологическому и грамматическому уровням предложенной нами классификации, заостряют внимание на наиболее сложных явлениях в языке.

Кроме того, при изучении англоязычного художественного текста с прилагаемым к нему комментарием, есть возможность регулярно пополнять словарный запас учащихся, принимая во внимание единицы комментария, относимые к лексико-фразеологическому уровню нашей классификации. Это могут быть как письменные упражнения, в частности диктанты, так и устные, например составление диалогов и воспроизведение живой английской речи учащимися с активизацией лексики из затекстового комментария.

В качестве еще одного варианта работы могут быть предложены упражнения на перевод слов и предложений в контексте. Такая форма работы, на наш

взгляд, будет наиболее приемлема после ознакомления студентов с толкованием полисемичных слов и словосочетаний, предложенным в комментарии. Упражнения на перевод помогают закрепить использование изученной лексики и грамматических конструкций, которые лучше всего запоминаются в контексте.

Более того, расширение материала произведений художественных текстов дополнительной информацией, включенной в затекстовый комментарий и аннотацию, значительно обогатит фоновые знания учащихся и поспособствует развитию их страноведческой компетенции.